

ДЖОРДЖ
МАРТИН

ПРИСЯЖНЫЙ
РЫЦАРЬ

Присяжный рыцарь

Джордж Мартин

Повести о Дунке и Эге

Книга вторая

Перевод: Наталья Виленская (издательство «АСТ»)

Редактура: «Волчий лес» (wolfswood.ru)

Версия: 1.0.0-ww

При работе были использованы материалы сайта 7Королевств.

Это любительская редакция официального перевода «Присяжного рыцаря». В ней исправлены многочисленные неточности и опечатки, внесены стилистические правки и переработан глоссарий.

В рамках проекта «Волчий лес» мы стремимся сделать перевод лучше и постоянно дорабатываем его. Вы можете помочь нам, сообщив об ошибках в тексте, либо просто оставив отзыв на сайте wolfswood.ru.

* * *

В железной клетке на распутье дорог гнили под летним солнцем два мертвеца.

Эг остановился на них поглядеть.

— Как вы думаете, кто они, сер?

Его мул Мейстер, благодарный за передышку, принялся щипать сухую дьяволову траву у обочины, несмотря на то что был навьючен двумя громадными бочками с вином.

— Разбойники. — Дунк сидел верхом на Громе и потому был гораздо ближе к мертвецам. — Насильники и убийцы. — На его старой зеленой рубахе под мышками проступили темные круги. Солнце пылало на синем небе, и пот лился из Дунка галлонами с самого утра.

Эг снял широкополую соломенную шляпу, обнажив блестящую лысую голову, и стал отмахиваться от мух — сотни их ползали по трупам, а в горячем, безветренном воздухе висело и того больше.

— Наверное, они были большие злодеи, раз их посадили в воронью клетку.

Эг, бывавший порой мудрым, как мейстер, оставался, в сущности, десятилетним мальчишкой.

— Лорды лордам рознь, — сказал Дунк. — Не всем нужна веская причина, чтобы предать человека смерти.

Клетка была рассчитана на одного человека, однако в нее втиснули двоих. Они стояли лицом к лицу, переплетя руки и ноги, прижавшись спинами к горячим железным прутьям. Один из них перед смертью начал глотать плечо и шею другого. Над обоими успели потрудиться вороны. Когда Дунк и Эг появились у холма, птицы взмыли вверх черной тучей, напугав Мейстера.

— Кто бы они ни были, видно, что они голодали, — сказал Дунк. *«Кожа да кости. Причем, кожа зеленая и гниющая»*. — Может, украли хлеб или убили оленя в лесу какого-то лорда. — Засуха длилась второй год, и

лорды стали весьма немилостивы к браконьерам, которых и прежде не очень-то жаловали.

— А может, они из разбойничьей шайки. — В Доске они слышали арфиста, певшего «День, когда вешали Черного Робина», и с тех пор благородные разбойники мерещились Эгу за каждым кустом.

Дунк встречал иногда разбойников, когда был оруженосцем у старого рыцаря, и не хотел бы встретиться с ними опять. Те, которых он знал, благородством не отличались. Один, которого помогал вешать сер Арлан, так любил перстни, что у мужчин отсекал заодно и пальцы, а у женщин откусывал. О нем, насколько знал Дунк, песен не складывали. *«Разбойники или браконьеры, разница небольшая, в компании мертвецов все равно невесело».* Дунк медленно объехал клетку. Пустые глазницы казненных, казалось, следили за ним. У одного голова была опущена, а рот открыт, и Дунк заметил, что у него нет языка. *«Вороны, что ли, склевали?»* Дунк слышал, что воронье первым делом выклевывает глаза — может, язык идет следующим по порядку. *«А может, это лорд велел отрезать ему язык за дерзкие речи...»*

Дунк запустил пальцы в выгоревшие на солнце волосы. Мертвым уже ничем не поможешь, а вино в Оплот отвезти надо.

— Откуда мы ехали-то? — спросил он, оглядывая дорогу. — Что-то я закружился.

— Оплот вон там, сер, — показал Эг.

— Ну так поехали. К вечеру доберемся, если не будем торчать тут да мух считать. — Он тронул Грома каблуками и повернул большого коня на левую дорогу. Эг опять нахлобучил шляпу и потянул Мейстера за повод. Мул бросил жевать траву и в кои-то веки подчинился без споров. *«Ему тоже жарко, — подумал Дунк, — да и бочки весят будь здоров».*

Дорога от палящего солнца стала твердой, как кирпич. В колее конь мог запросто сломать ногу, и Дунк старался держать Грома посередине. Он сам вывихнул себе лодыжку, когда они уезжали из Доска — ночью было прохладнее, и он шел пешком. Рыцарь должен учиться терпеть

боль, говорил ему старик. «Да, парень, сломанные кости и шрамы — такая же часть рыцарства, как мечи и щиты». А вот если ногу сломает Гром... Рыцарь без коня и не рыцарь вовсе.

Эг вместе с Мейстером плелся следом, ступая одной босой ногой в колею, а другой на середину. Из-за этого он на каждом шагу то поднимался, то опускался. На бедре у него висел кинжал, за спиной — сапоги, старую бурую рубаху он подобрал и завязал вокруг пояса. На измазанном лице под полями соломенной шляпы темнели большие глаза. Ему десять, и росту в нем чуть меньше пяти футов. В последнее время Эг стал быстро расти, но Дунка он догонит еще не скоро. С виду он вылитый конюшонок — нипочем не догадаешься, кто он на самом деле.

Клетка с мертвецами уже скрылась позади, но Дунк не мог перестать думать о них. Много разбойников развелось в королевстве. Засухе конца не видно, и простые люди тысячами снимаются с мест в поисках заветных земель, где идут дожди. Лорд Кровавый Ворон повелел им всем вернуться назад, к своим господам, да только его мало кто послушался. Многие говорят, что они-то и накликali засуху, Кровавый Ворон и король Эйрис. Это кара богов, ибо тот, кто проливает родную кровь, проклят. Кто поумней, тот, понятно, вслух такого не скажет. «*Сколько глаз у Кровавого Ворона? — спрашивается в загадке, которую слышал Дунк в Староместе. — Тысяча и еще один.*»

Шесть лет назад в Королевской Гавани Дунк видел его собственными глазами: тот ехал на бледном коне по Стальной улице, а следом — полусотня Вороньих Зубов. Это было еще до того, как король Эйрис взошел на Железный трон и сделал его десницей, но лорд и тогда притягивал взоры, весь в черном и алом, с Темной Сестрой на боку. Мертвенно-бледная кожа и белые волосы делали его похожим на живой труп, через щеку и подбородок пролегалo родимое пятно винного цвета — в виде красного ворона, как говорили, только Дунк ничего такого не разглядел, пятно и пятно, разве что причудливой формы. Пялился он так, что Кровавый Ворон почувствовал это и, обернувшись, оглядел его своим един-

ственным красным глазом. На месте второго зияла пустая глазница — отметина, оставленная Жгучим Клинком на Краснотравном поле, но Дунку показалось, что оба глаза целы и смотрят ему в самую душу.

Он содрогнулся от этого воспоминания, несмотря на жару, и Эг сзади спросил:

— Вам нехорошо, сер?

— Нет, ничего. Только жарко и пить охота, прямо как им. — Он указал на придорожное поле, где рядами сохли дыни. Козья и дьяволова трава по краям еще цеплялась за жизнь, но урожаю приходилось куда как плохо. Дунк знал, каково этим дыням. Сер Арлан говаривал, что межевой рыцарь не будет страдать от жажды, покуда при нем есть шлем, в который можно набрать дождевой воды. «Небесная влага — лучший на свете напиток, парень». Вот только старик за всю свою жизнь ни разу не видел такого лета. Свой шлем Дунк оставил в Оплоте. В нем было бы слишком жарко и тяжело, а дождя, чтобы подставить под него этот сосуд, явно не ожидалось. *«Что делать межевому рыцарю, когда даже на межах зелень высохла и скукожилась?»*

Авось хоть в ручье можно будет искупаться. Дунк улыбнулся, воображая, как приятно будет окунуться в него и вынырнуть мокрым и счастливым. Струйки воды будут стекать по спутанным волосам на лицо, а одежда прилипнет к коже. Эгу, наверно, тоже захочется, хотя ему вроде бы и не жарко — он порядком запыхался, но ничуть не вспотел. Он почти никогда не потеет и любит зной. В Дорне он бегал полуголый и загорел, как дорниец. *«Это все его драконова кровь. Слыханное ли дело — потный дракон?»* Дунк сам охотно снял бы рубаху, но этого делать не подобало. Межевой рыцарь может хоть голый разъезжать, этим он никого не посрамит, кроме себя самого. Присяжный рыцарь — иное дело. «Если ты ешь мясо за столом лорда и пьешь его мед, — говаривал сер Арлан, — все твои поступки сказываются на нем. Всегда делай больше того, что от тебя ожидают, и никогда — меньше. Никогда не увиливай от трудных задач, а в первую голову — не позорь лорда, которому слу-

жишь». «Мясо и мед» в Оплоте означали курятину и эль, но сер Юстас ел и пил то же самое.

Поэтому Дунк продолжал париться в рубахе.

* * *

Сер Беннис Бурый Щит ждал их у старого дощатого моста.

— А, вернулся все-таки. Долго тебя не было — я уж думал, ты сбежал и стариково серебро прихватил. — Беннис сидел на своем косматом гарроне и жевал кислolist, отчего казалось, что рот у него полон крови.

— За вином пришлось ехать в Доск, — ответил Дунк. — На Малый Доск налетели кракены, увезли все добро и женщин, а что не взяли, то пожгли.

— Дагон Грейджой так и напрашивается, чтоб его вздернули — да только кому это по зубам? Видел ты старого Пейта Щипозада?

— Говорят, убили его, когда он вступился за свою дочку.

— Седьмое пекло, — сплюнул Беннис. — Видал я эту дочку — было бы за что помирать. Он мне полсребреника остался должен. — Бурый рыцарь выглядел точно так же, как в день их отъезда, а пахло от него еще хуже. Свои бурые бриджи, мешковатую домотканную рубаху и сапоги он не снимал и не менял никогда. Бурое сюрко он надевал, когда облачался в заржавленную кольчугу. Меч у него висел на поясе из вареной кожи, покрытое рубцами лицо казалось сделанным из того же материала. *«Ни дать ни взять сморщенная дыня, которые мы видели по дороге».* Даже зубы под красными пятнами от кисллиста были бурые. Среди этого бурого однообразия выделялись глаза — светло-зеленые, косые, близко посаженные и злобные. — Всего-то две бочки, — заметил он. — Сер Дуралей просил четыре.

— Хорошо, что хоть две-то нашлись. Засуха добралась и до Арбора. Говорят, виноград там превращается в изюм прямо на корню, да еще железные люди разбойничают...

— Сер, а воды-то нет, — вмешался Эг.

Дунк, занятый разговором с Беннисом, этого не заметил. Под щелястым настилом виднелись только песок и камни. *«Странное дело. Когда мы уезжали, вода в ручье стояла низко, но все же текла».*

Беннис рассмеялся. Смех у него был двух видов — иногда он кудахтал, как курица, а иногда реготал громче Эгова мула. Сейчас он кудахтал.

— Высохла, пока вы ездили, не иначе. Засуха, что поделаешь.

«Вот тебе и выкупался, — мрачно подумал Дунк и слез с коня. — Что ж с урожаем-то будет?» Половина колодцев в Просторе пересохла, а реки обмелели, даже Черноводная и могучий Мандер.

— Паскудное пойло, вода, — сказал Беннис. — Я раз напился, и меня вывернуло. Вино лучше.

— Только не для овса, ячменя, морковки и лука с капустой. Даже виноградникам нужна вода. — Дунк покачал головой. — Как это ручей пересох так быстро? Нас всего шесть дней не было.

— Он и так еле-еле сочился, Дунк. Я в свое время пускал ручьи побольше этого.

— Я вам не Дунк — сколько раз повторять? Меня зовут сер Дункан Высокий. — Он сам не понимал, зачем пытается что-то втолковать Беннису. Такого сквернословия и насмешника еще свет не видывал.

— Это кто же тебя так зовет? Твой лысый щенок? — опять закудахтал Беннис. — Ты, конечно, подрос с тех пор, как ездил с Пеннитри, но для меня ты все тот же Дунк.

Дунк почесал в затылке, глядя на пересохшее русло.

— Что ж теперь делать?

— Вези вино домой и скажи серу Дуралею, что его ручей высох. В колодце вода еще есть, так что от жажды он не помрет.

— Не называйте его Дуралеем. — Дунк любил старого рыцаря. — Вы живете под его кровом, так проявляйте к нему хоть немного уважения.

— У тебя уважения хватит на нас обоих, Дунк, а я зову его, как хочу.

Серовато-белесые доски заскрипели, когда Дунк ступил на мост, чтобы оглядеть песчаное русло. Среди камней кое-где поблескивали грязные лужицы не больше его ладони.

— Вон дохлая рыба валяется, видишь? — Запах напомнил ему о мертвецах в клетке.

— Вижу, сер, — сказал Эг.

Дунк спрыгнул вниз, присел и перевернул один из камней. *«Сухой и горячий сверху, илистый и мокрый снизу».*

— Вода совсем недавно ушла, это видно. — Дунк кинул камень на берег, и тот сшиб нависшую над обрывом горстку сухой земли. — На берегу земля потрескалась, а посередке мягкий ил. И рыба еще вчера жива была.

— Дунк-чурбан — так, помнится, Пеннитри тебя называл. — Беннис сплюнул кислolist на камни, и красная жижа заблестела на солнце. — Чурбанам думать не надо, их головы для этого не годятся.

«Дунк-чурбан, темный, как погреб». У сера Арлана это прозвище звучало ласково — он оставался добрым, даже когда ругался. Сер Беннис произносил его совсем по-другому.

— Сер Арлан уже два года как умер, — сказал Дунк, — а меня зовут сер Дункан Высокий. — Ему очень хотел заехать Беннису кулаком в челюсть и выбить его красно-бурые зубы. Беннис, может, и горазд драться, но Дунк на полтора фута выше его и на четыре стоуна тяжелее. Хоть и чурбан, да большой. Он успел стукнуться головой о половину всех притолок Вестероса и о стропила каждой гостиницы от Дорна до Перешейка. Брат Эга Эймон измерил его рост в Староместе — тогда, полгода назад, Дунку недоставало одного дюйма до семи футов, а с тех пор он еще больше подрос. Расти — это единственное, что ему хорошо удается, как говорил старый сер Арлан.

— Отвези вино в Оплот, Эг, — сказал он, снова садясь на Грома. — Я погляжу, что такое стряслось с этим ручьем.

— Ручьи то и дело пересыхают, — упорствовал Беннис.

— Я просто хочу поглядеть...

— Так же как поглядел под камнем? Чурбан, камни переворачивать опасно — кто знает, что из-под них выползет? В Оплоте у нас славные соломенные тюфяки, куры несутся исправно, и делать особенно нечего — знай себе слушай, каким славным был сер Дуралей в молодости. Говорю тебе, оставь это. Высох ручей, и все тут.

Чего-чего, а упрямства Дунку было не занимать.

— Сер Юстас заждался вина, — сказал он Эгу. — Скажи ему, куда я поехал.

— Скажу, сер. — Мальчик потянул за собой Мейстера. Мул запрядал ушами, но понукать его опять-таки не пришлось.

«Хочет, чтобы с него скорее сгрузили бочки — оно и понятно».

Ручей, когда в нем была вода, тек на северо-запад, поэтому Дунк повернул Грома на юго-восток. Через каких-нибудь дюжину ярдов его догнал Беннис.

— Пригляжу, чтоб тебя не вздернули. — Он запихнул в рот новую порцию кислота. — За теми ракетами на правом берегу начинается паучья земля.

— Я буду держаться нашего. — Дунк не хотел неприятностей с хозяйкой Холодного Рва. В Оплоте он наслушался о ней всякого. Ее прозвали Красной Вдовой — она уже не одного мужа свела в могилу. Старый Сэм Ступс называл ее и ведьмой, и отравительницей, и другими словами, почище этих. Два года назад она послала своих рыцарей за ручей схватить человека Острея, который воровал у нее овец. «А когда милор поехал требовать его назад, ему посоветовали поискать его во рву, — рассказывал Сэм. — Она зашила беднягу Дейка в мешок с камнями и утопила. После этого сер Юстас и взял на службу Бенниса, чтоб пауков отгонять».

Гром шел ровным шагом под палящим солнцем. На синем небосводе не было видно ни облачка. Русло вилось между каменистыми, поросшими ивняком пригорками, через голые бурые холмы и поля с пожух-

шими хлебами. В часе езды от моста стоял принадлежащий дому Острей лесок под названием Уотов лес. Издали он представлялся заманчивым, вызывая у Дунка мечты о свежей зелени и прохладной тени у ручья, но вблизи оказался чахлым и подсохшим. С больших дубов падали листья, половина сосен побурела на манер сера Бенниса, и под ними лежала опавшая хвоя. *«Плохо дело, — подумал Дунк. — Одна искра — и все это запылывает что твой костер».*

Вдоль Клетчатого ручья, однако, стеной росли молодые ивы, тернистые виноградники, крапива и белый шиповник. Двое рыцарей, чтобы не продираться сквозь эту чащу, перешли через пересохшее русло на сторону Холодного Рва, где лес вырубил под пастбище. Среди бурой травы и увядших полевых цветов бродили черноносые овцы.

— Нет глупее скотины, чем овцы, — промолвил Беннис. — Они тебе, часом, не родня? А, чурбан? — Дунк не ответил, и он снова засмеялся, будто закудахтал.

Еще через пол-лиги они увидели плотину — небольшую, но крепкую с виду.

Ручей перегородили двумя палисадами из древесных стволов, не потрудившись снять с них кору, а в промежутке накидали камней и плотно утрамбовали землю. За плотиной ручей стекал в канаву, ведущую на поля леди Веббер. Дунк привстал на стременах, чтобы лучше видеть. На солнце сверкала целая сеть более мелких канавок — они разбегались во все стороны, как паутина. *«Воду нашу воруют!»* Дунк вознегодовал, особенно когда сообразил, что деревья для запруды взяты явно из Уотова леса.

— Ну что, чурбан, поглядел? — спросил Беннис. — Нет бы остаться при том, что ручей высох. Началось с воды, а кончится кровью — моей и твоей, по всему видать. — Бурый рыцарь обнажил меч. — Ну что ж, делать нечего. Вон они, землекопы проклятые. Надо их пострадать. — Он пришпорил своего гаррона и поскакал по траве.

Дунку ничего не оставалось, как последовать за ним. На поясе у него висел длинный меч сера Арлана, славный клинок. *«Если у этих землекопов есть хоть капля ума, они разбегутся»*, — думал он. Из-под копыт Грома вздымались клубы пыли.

Один землекоп бросил заступ, увидев скачущих рыцарей, но этим дело и ограничилось. Они стояли в ряд, десятка два человек — высокие и низенькие, молодые и старые, все загоревшие дочерна, с лопатами и кирками в руках. Беннис сдержал коня.

— Это земля Холодного Рва, — крикнул кто-то из рабочих.

— А это вода Остреев. — Беннис показал мечом в сторону ручья. — Кто поставил эту паршивую дамбу?

— Мейстер Серрик, — сказал молодой землекоп.

— Нет, — поправил его старик. — Этот серый сосунок только указывал — делайте то да делайте это, а строили мы.

— Вы строили, вы и разбирайте.

Землекопы смотрели молча, с угрюмым вызовом. Один утер потный лоб.

— Да вы никак оглохли, — проворчал Беннис. — Может, мне пару ушей отрубить? Кому первому?

— Это земля Вебберов, — упрямо повторил старик, тощий и сторбленный. — Нет у вас права тут находиться. А вздумаете нам уши рубить, миледи вас живо в мешок и на дно.

Беннис подъехал поближе.

— Я тут никаких леди не вижу, только наглое мужичье. — Он ткнул мечом в голую коричневую грудь старика, и на ней проступила кровь.

— Уберите меч, — вмешался Дунк, решив, что Беннис заходит слишком далеко. — Это не они придумали, им мейстер велел.

— Это для урожая, сер, — подтвердил большеухий крестьянин. — Пшеница у нас сохнет и груши.

— Либо груши погибнут, либо вы.

— А вы нас не пугайте, — снова подал голос старик.

— Не пугайте? — Меч Бенниса, свистнув, раскрыл старику щеку от уха до подбородка. — Я сказал — либо груши, либо вы.

«*Напрасно он так*». Дунк, видя, как хлещет из раны кровь, сдержал свою ярость — ведь они с Беннисом действовали заодно.

— Уходите, — крикнул он землекопам. — Возвращайтесь в замок своей госпожи.

— Бегом! — добавил сер Беннис.

Трое побросали свои орудия и побежали, но один кряжистый парень покрепче перехватил кирку и сказал:

— Их всего двое.

— Лопаты против мечей — глупая затея, Йорген, — произнес старик, зажимая рану. Кровь сочилась сквозь его пальцы. — Погоди. Дело этим не кончится.

— Еще слово, и конец придет тебе, — посулил Беннис.

— Мы никому не хотим зла, — сказал старику Дунк. — Нам нужна только вода, больше ничего. Скажи об этом своей госпоже.

— Скажем, — заверил задиристый парень с киркой. — Все как есть скажем.

* * *

Домой они ехали напрямик, через Уотов лес, радуясь скудной тени, которую еще давали деревья. И все равно они изжарились. В лесу предположительно водились олени, но единственной живностью, которая встречалась им, были мухи. Они жужжали вокруг головы Дунка, лезли Грому в глаза и раздражали коня невыносимо. Неподвижный воздух действовал удушающе. «*В Дорне дни тоже жаркие, зато ночи холодные. Как ни кутайся в плащ — все равно продрогнешь до костей*». А на Просторе, даже здесь, ближе к северу, ночи ненамного прохладнее дней.

Пригибаясь под ветками, Дунк сорвал листок, и тот рассыпался у него в руке, как тысячелетний пергамент.

— Не надо было рубить того человека мечом, — сказал он Беннису.

— Подумаешь, пощекотал малость. Это научит его следить за своим языком. Надо было глотку ему перерезать, но тогда остальные разбежались бы, точно кролики, и пришлось бы за ними гоняться.

— Неужто вы их всех убили бы? Двадцать человек? — недоверчиво спросил Дунк.

— Двадцать два. На два больше, чем пальцев у тебя на руках и ногах. Пришлось бы убить, чтоб не трепали потом языками, чурбан. — Всадники объехали бурелом. — Давай скажем серу Дуралею, что его занюханый ручеек доконала засуха.

— *Серу Осгрею*. Хотите солгать ему?

— А почему бы и нет? Кто ему правду-то скажет — мухи? — Беннис ощерил свои мокрые красные зубы. — Дуралей не вылезит из своей башни — разве что к мальчикам в ежевику.

— Присяжный рыцарь должен говорить правду своему господину.

— Правда правде рознь, чурбан. Иногда от нее один вред. Засуху насылают боги, а против богов человек ни хрена не может. Красная Вдова — иная статья. Если сказать Дуралею, что воду у него отвела эта сука, он сочтет долгом чести вернуть покражу назад. Вот увидишь. Он этого так не оставит.

— Так и следует. Нашим крестьянам без воды смерть.

— *Нашим?* — На этот раз Беннис заржал, а не закудахтал. — Может, я по нужде отлучился, когда сер Дуралей сделал тебя своим наследником? И сколько же у тебя крестьян? С десятков, считая полоумного сынка Косой Джейн, который не знает, каким концом топор держать? Сделай их всех рыцарями, и у нас будет вполонину меньше, чем у вдовы. Это помимо ее оруженосцев, лучников и прочих. Всех твоих пальцев не хватит, чтоб их перечесть — придется кликнуть лысую башку на подмогу.

— Мне не обязательно по пальцам считать. — Дунку все опротивело: жара, мухи и общество бурого рыцаря. «*Беннис когда-то служил вместе с сером Арланом, но это было давным-давно. С тех пор он стал низким че-*

ловеком, лжецом и трусом». Дунк послал коня рысью и уехал вперед, подалее от Бенниса и его запаха.

* * *

Оплот назывался замком только из вежливости. Он гордо высился на скалистом холме и виден был за много лиг, но весь состоял из одной-единственной башни. Пару веков назад ее перестраивали после частичного обрушения, поэтому с северной и западной сторон нижние этажи были сложены из черного камня, а верхние из серого. Тогда же на кровле поставили стрельчатые вышки, но опять-таки с северной и западной сторон. В двух оставшихся углах горбились древние каменные изваяния, столь пострадавшие от непогоды, что трудно было определить их первоначальный вид. Плоская крыша из сосновой дранки покоробилась и протекала.

От подножия холма к башне вела тропка, до того узкая, что ехать приходилось гуськом. Дунк поднимался первым. Вверху на скальном выступе стоял в своей потрепанной шляпе Эг.

К башне притулилась глинобитная конюшня, вся заросшая красновато-лиловым мхом. В одном из денников, рядом с Мейстером, стоял серый мерин старого рыцаря. Бочки Эг с Сэмом Ступсом, видимо, закатали в дом. По двору бегали куры.

— Ну как, выяснили, что случилось с ручьем? — спросил Эг.

— Красная Вдова его перекрыла. — Дунк спешился и вручил поводья Эгу. — Не давай ему много пить сразу.

— Да, сер, я знаю.

— Моего коня тоже возьми, парень, — распорядился Беннис.

— Я у вас не служу, — нахально ответил Эг.

«Ох, не доведет его язык до добра», — подумал Дунк.

— Возьми у него коня, не то в ухо получишь.

Эг надулся, однако послушался. Как только он взялся за повод, смачный красный плевок Бенниса шмякнулся ему прямо меж пальцев ступни.

— Вы плюнули мне на ногу, сер, — ледяным тоном заметил мальчик.

— Угу. А в другой раз в рожу плюну, — посулил Беннис, слезая с коня. — Посмей только опять надерзить мне.

Дунк видел, как зол мальчуган, и боялся, как бы дело не обернулось к худшему.

— Займись лошадьми, Эг, — сказал он. — Нам надо поговорить с сером Юстасом.

Единственным входом в Оплот служила дубовая с железом дверь в двадцати футах над ними. Нижние ступени из гладкого черного камня до того истерлись посередине, что больше походили на чаши. Выше их сменяла крутая деревянная лестенка, которую в случае нападения поднимали, как мост. Отогнав кур в сторону, Дунк зашагал через две ступеньки вверх.

Оплот был больше, чем казался с виду. Его глубокие подвалы и склепы занимали добрую часть холма, на котором торчала четырехэтажная башня. На двух ее верхних ярусах имелись балконы и окна, на нижних — только амбразуры. Внутри было прохладнее, но так темно, что глаза у Дунка не сразу привыкли. Жена Сэма Ступса, стоя на коленях у очага, выгребала золу.

— Сер Юстас внизу или наверху? — спросил ее Дунк.

— Наверху, сер. — Старуха так горбилась, что голова у нее сидела ниже плеч. — Он только что ходил навестить мальчиков в ежевике.

«Мальчики» были сыновья Юстаса Осгрея — Эдвин, Гарольд и Аддам. Эдвин и Гарольд были рыцарями, Аддам — оруженосцем. Все они пали на Краснотравном поле пятнадцать лет назад, в конце Восстания Черного Пламени. «Они умерли славной смертью, сражаясь за своего короля, — сказал Дунку сер Юстас, — а я привез их домой и похоронил в ежевике». Жена старого рыцаря тоже лежала там. Вскрывая новую бочку

вина, старик всякий раз спускался с холма, чтобы помянуть своих мальчиков. «За нашего короля!» — произносил он, поднимая чашу, и пил.

Опочивальня сера Юстаса занимала четвертый этаж башни, горница помещалась под ней. Старик обыкновенно сидел там, роясь в своих сундуках. На толстых стенах из серого камня висело заржавленное оружие, знамена поверженных врагов, трофеи времен давнишних сражений, о которых не помнил больше никто, кроме сера Юстаса. Знамена, некогда яркие, покрылись плесенью, выцвели, запылились и все как одно казались зеленовато-серыми.

Старый рыцарь счищал тряпкой грязь с разрубленного щита, когда Дунк поднялся наверх. Следом вошел Беннис вместе со своим запахом.

— А, мой добрый великан, — просветлел старый рыцарь при виде Дунка. — И храбрый сер Беннис. Взгляните-ка — я нашел его на дне вот этого сундука. Настоящее сокровище, хотя и в ужасном состоянии.

От щита, серого и щербатого, осталось чуть больше половины. Железный обод проржавел, дерево усеивали червоточины. На нем еще остались чешуйки краски, но слишком мало, чтобы распознать герб.

— Что это за щит, милор? — спросил Дунк. Остреи уже несколько веков перестали быть лордами, но серу Юстасу нравилось, когда его так называли — это напоминало ему о былой славе его дома.

— Он принадлежал Малому Льву. — Рыцарь стер немного ржавчины с обода. — Сер Уилберт Остреи имел его при себе, когда пал в бою. Вы, конечно, знаете эту историю...

— Нет, милор, — сказал Беннис, — не знаем. *Малый Лев*, вы сказали? Он что ж, карлик был?

— Разумеется, нет. — Усы старика возмущенно дрогнули. — Сер Уилберт был высокий, могучий муж и великий рыцарь. Это прозвище ему дали в детстве, как младшему из пяти братьев. В его времена в Семи Королевствах было все еще семеро королей, и Хайгарден часто воевал со Утесом. Тогда нами правили зеленые короли, Гарденеры. В них текла кровь Гарта Зеленорукого, и зеленая рука изображалась у них в гербе на

белом поле. Джайлс Третий повел свои знамена на восток, на войну со Штормовым королем, и все братья Уилберта пошли вместе с ним: в те времена клетчатый лев всегда развевался рядом с зеленой рукой, когда король Простора выступал на битву.

Король Утеса, однако, усмотрел в этом удобный случай, чтобы оторвать кусок от Простора, и налетел на нас со своим войском. Огреи были хранителями Северных марок, и встретить врага выпало Малому Льву. Ланнистеров вел четвертый король Лансель — а может, и пятый. Сер Уилберт заступил ему дорогу и сказал: «Ни шагу дальше. Вам здесь не рады. Я запрещаю вам ступать на землю Простора». Но Ланнистер послал свои знамена вперед.

Полдня они бились, золотой лев и клетчатый. Ланнистер был вооружен валирийским мечом, с которым обычная сталь не сравнится: видите, как пострадал от него щит Малого Льва. В конце концов, истекая кровью от дюжины ран, со сломанным клинком в руке, Уилберт бросился на врага очертя голову. Король Лансель разрубил его чуть ли не пополам, как поется в песнях, но Малый Лев, умирая, успел вонзить свой кинжал королю под мышку, на стыке его доспехов. Западные воины, когда погиб их король, отступили, и Простор был спасен. — Старик погладил разбитый щит нежно, словно ребенка.

— Да, милор, — проскрипел Беннис, — нынче бы нам такой воин в самый раз пригодился. Мы с Дунком побывали у вашего ручья. Сух, как старый скелет, и не засуха тому причиной.

Старик отложил щит и пригласил своих рыцарей сесть.

— Рассказывайте. — Он слушал Бенниса молча, вздернув подбородок и развернув плечи, прямой, как копье.

В молодости сер Юстас Огрей был, наверное, образцом рыцаря — высокий, сильный, красивый. Время и горе сделали свое дело, но он оставался по-прежнему широким в плечах и груди, с резкими, как у орла, чертами. Коротко остриженные волосы побелели, как молоко, однако скрывающие рот густые усы сохраняли пепельно-серый цвет. Чуть

более светлые, полные печали глаза прятались под такими же серыми бровями.

Они стали еще печальнее, когда Беннис заговорил о плотине.

— Этот ручей зовется Клетчатым уже тысячу лет, а то и больше, — сказал старый рыцарь. — Мальчишкой я в нем ловил рыбу, и мои сыновья тоже. Алисанна любила плескаться в нем в такие вот жаркие дни. — Алисанной звали дочь старика, умершую по весне. — На берегу Клетчатого ручья я впервые поцеловал девушку — мою кузину, младшую дочь моего дяди, Осгрея с Лиственного озера. Теперь их никого нет в живых, и ее тоже. — Усы старика дрогнули. — Мы не можем этого допустить, серы. Эта женщина не получит мою клетчатую воду.

— Плотина построена на совесть, милор, — сказал Беннис. — Мы с сером Дунком ее и за час не разберем, даже если лысый малец поможет. Понадобятся кирки, лопаты, веревки и дюжина мужчин — только для работы, а не для боя.

Старый рыцарь молчал, глядя на щит Малого Льва. Дунк откашлялся и сказал:

— Видите ли, милор, с землекопами у нас вышла...

— Не беспокой сера Юстаса пустяками, Дунк, — перебил его Беннис. — Преподаю дурню урок, только и всего.

— Что за урок? — вскинул глаза сер Юстас.

— Как с мечом обращаться. Чиркнул клинком по щеке, ничего больше.

Старик пристально посмотрел на Бенниса.

— Вы поступили необдуманно, сер. У этой женщины сердце паучи-хи. Она погубила трех мужей, а все ее братья, пятеро или шестеро, умерли еще в пеленках. Они стояли между ней и наследством. Не сомневаюсь, что она способна спустить шкуру с любого крестьянина, вызвавшего ее недовольство, но то, что ее человека ранили *вы*... такого оскорбления она не потерпит. Можете быть уверены: она явится за вами, как явилась за Лимом.

— За Дейком, милор, — поправил Беннис. — Простите великодушно, ведь вы знали его, а я нет, однако его звали Дейк.

— С вашего разрешения, милор, я мог бы съездить в Золотую Рощу и рассказать лорду Ровану об этой плотине, — сказал Дунк. Рован был сюзереном как старого рыцаря, так и Красной Вдовы.

— Ровану? Нет, там вы помощи не найдете. Сестра лорда Рована вышла за Вендела, кузена лорда Вимана, стало быть, он родня Красной Вдове. К тому же он не любит меня. Отправляйтесь завтра по моим деревням, сер Дункан, и соберите всех пригодных к бою мужчин. Я стар, но пока еще не умер. Эта женщина скоро увидит, что когти у клетчатого льва еще есть!

«Два когтя, — сумрачно подумал Дунк, — и один из них я».

* * *

На землях лорда Юстаса имелось три деревеньки — в каждой горсточка хижин, овечьих загонов и свинарников. В самой большой была даже крытая соломой септа с корявыми изображениями Семерых, начерченными углем на стенах. Мадж, горбатый старый свинарь, побывавший когда-то в Староместе, каждые семь дней устраивал службы. Дважды в год деревню посещал настоящий септон, отпускавший грехи именем Матери. Крестьяне с радостью принимали прощение, но визитов септона не любили, поскольку его приходилось кормить.

Дунку и Эгу они обрадовались ничуть не больше. Дунка здесь знали как нового рыцаря сера Юстаса, но предлагали разве что воды напиться. Большинство мужчин работали в поле, и из хижин вылезли только женщины, ребятишки да дряхлые старцы. Эг вез знамя Осгреев — лев на задних лапах в зеленую и золотую клетку, на белом поле.

— Мы приехали из Оплота по поручению сера Юстаса, — сказал Дунк. — Всем здоровым мужчинам от пятнадцати до пятидесяти лет приказано завтра явиться к башне.

— Война, что ли? — спросила тощая женщина с грудным ребенком на руках. Еще двое детишек цеплялись за ее юбку. — Снова черный дракон пришел?

— Драконов не будет — ни красных, ни черных, — ответил Дунк. — Надо решить спор между клетчатым львом и пауками. Красная Вдова отвела вашу воду.

Эг обмахивался шляпой, и женщина посмотрела на него с жалостью.

— Парнишка-то совсем без волос. Хворый, видать?

— Я их брею, понятно? — Эг снова нахлобучил шляпу, повернул Мейстера и поехал прочь.

«Не в духе он сегодня». С тех пор как они выехали, он едва ли промолвил хоть слово. Дунк догнал мула и спросил своего надутого оруженосца:

— Ты злишься, что я не заступился за тебя вчера перед сером Беннисом? Мне он не больше по душе, чем тебе, однако он все-таки рыцарь. Ты должен говорить с ним учтиво.

— Я *ваш* оруженосец, а не его. Он грязный и ругается скверными словами, да еще и щиплетя.

«Знай он, кто ты такой, он бы раньше обмочился со страху».

— Он и меня щипал. — Дунк позабыл об этом, но когда Эг сказал, вспомнил. Сер Арлан и сер Беннис входили в число рыцарей, которых один дорнийский торговец нанял проводить его из Ланниспорта до Принцева перевала. Дунк тогда был не старше Эга, хотя и выше. *«Все бока мне исщипал до синяков, — вспомнил Дунк. — Пальцы у него были как железные клещи, но я ни разу не пожаловался серу Арлану».* Один из их рыцарей пропал у Каменной Септы, и поговаривали, что сер Беннис распорол ему живот в пылу ссоры. — Если снова будет щипаться, скажи мне, и я это прекращу. А пока что поухаживай за его конем, ничего от тебя не отвалится.

— Кому-то все равно надо, — согласился Эг. — Беннис его никогда не чистит и навоз не убирает. У коня даже имени нет.

— Некоторые рыцари не дают имен своим скакунам. Чтобы не так было тяжело потерять коня в битве. Ты просто заводишь нового и не думаешь, что лишился верного друга. — *«Так говорил сер Арлан, но сам он всегда поступал иначе и давал имена всем своим лошадям»*. Как и Дунк. — Посмотрим, сколько народу явится к башне, но сколько бы их ни было, пять или пятьдесят, ты и о них должен заботиться.

— Чтобы я да прислуживал мужичью?! — негодовал Эг.

— Я прошу тебя не прислуживать им, а помогать. Ведь нам надо сделать из них бойцов. — *«Если Красная Вдова даст нам время»*. — По милости богов среди них окажется несколько старых солдат, но большинство будет зелено, как летняя травка, и больше привычно к мотыгам, чем к копьям. Однако придет день, когда наша жизнь будет зависеть от них. Когда ты впервые взял в руки меч?

— Я был совсем маленький, а меч — деревянный.

— Мальчишки из простых тоже дерутся, только не на мечах, а на палках. Эти люди могут показаться тебе глупыми, Эг. Они не знают, как правильно называются части доспехов, не знают, у какого дома какой герб и который из королей отменил право первой ночи, но все равно обращайся с ними уважительно. Ты оруженосец благородного происхождения, но пока еще мальчик, а они, почти все, будут взрослые. У мужчины есть своя гордость, как бы низко он ни стоял. У них в деревне тебя тоже дурачком бы сочли. Если сомневаешься, попробуй промотыжить полосу или овцу остричь, а не то перечисли мне названия всех растений в Уотовом лесу.

Мальчик поразмыслил над этим.

— Я могу показать им гербы великих домов и рассказать, как королева Алисанна убедила короля Джейхейриса отменить право первой ночи. А они мне скажут, которые травы ядовиты и можно ли есть те зеленые ягоды.

— Хорошо — но ты, прежде чем перейти к королю Джейхейрису, научи их пользоваться копьем. И не ешь ничего, что Мейстер не ест.

* * *

На следующий день к куриному поголовью Оплота примкнула дюжина будущих воинов — один старше, чем надо, двое моложе, а тощий парнишка на поверку оказался тощей девчонкой. Их Дунк отправил домой, и осталось восемь: три Уота, два Уилла, один Лим, один Пейт и Большой Роб, полудурок. «Ничего себе воинство», — помимо воли подумал Дунк. Добрых молодцев, которые в песнях покоряют сердца благородных дев, среди них не видать — один другого грязнее. Лиму как пить дать полсотни стукнуло, у Пейта глаза слезятся. Только эти двое и побывали в солдатах — ходили на войну с сером Юстасом и его сыновьями. Шестеро остальных были зеленым-зелены, как Дунк и предчувствовал. Все восемь были вшивые. Двое Уотов были братья.

— Видать, ваша мамка больше имен не знала, — не преминул съехидничать Беннис.

Вооружение ополченцев состояло из серпа, трех мотыг, старого ножа и дубин. Заостренная палка, которую принес Лим, могла сойти за копье, а один из Уиллов сказал, что метко кидает камни.

— Вот и ладно, — одобрил Беннис, — будешь у нас требушетом. — После этого Уилла стали звать не иначе как Требом.

— Умеет кто-нибудь стрелять из длинного лука? — спросил Дунк.

Крестьяне некоторое время переминались с ноги на ногу, и наконец Пейт со слезящимися глазами ответил:

— Прощения просим, сер, только милор не позволяет нам держать у себя длинные луки. Олени в лесу — они для клетчатых львов, а не для нашего брата.

— А нам дадут мечи, и кольчуги, и шлемы? — осведомился младший из трех Уотов.

— Ты непременно получишь все это, — заверил Беннис. — Вот убьешь кого-нибудь из вдовьих рыцарей и снимешь с него. А если пошаришь в заднице у его коня, то и серебром разживешься. — Он ущип-

нул молодого Уота так, что тот взвизгнул, и увел все войско в Уотов лес рубить древки для копий.

Вернулись они с обожженными на костре копьями самой разнообразной длины и с плетеными из лозы щитами. Сер Беннис, который и себе сделал копье, стал показывать, как надо колоть, как отражать древком удары и куда направлять острие, чтобы убить врага.

— Брюхо и глотка лучше всего. Вот тут сердце, — он стукнул себя кулаком по груди, — туда тоже можно. Но сердце прикрыто ребрами, а брюхо, оно мягкое. Это смерть медленная, но верная. Никогда не видел человека, который выжил бы, если кишки ему выпустить. А если кто сдуру повернется спиной, колите между лопатками или в почки, вот сюда. Так он тоже не жилец будет.

Наличие в отряде сразу трех Уотов вносило путаницу, и Эг предложил Дунку:

— Давайте будем звать их по именам деревень — вот как сер Арлан, ваш старый хозяин, взял себе имя «Пеннитри». — Это пригодились бы, будь у деревень названия, но их не было. — Тогда назовем их в честь того, что у них растет, — нашелся Эг. В одной деревне возделывали бобы, в другой большей частью ячмень, в третьей разные овощи и дыни. Кочаном или Репой называться никто не хотел, поэтому уроженцев третьей деревни нарекли Дынями. В итоге получилось четверо Ячменей, двое Дынь и двое Бобов. Братья Уоты оба были из Ячменей, поэтому требовался еще какой-то отличительный знак. Когда младший Уот обмолвился, что как-то свалился в деревенский колодец, сер Беннис назвал его «Мокрый Уот», и это решило задачу. Мужиков восхитили их новые имена, «как у лордов», только Большой Роб никак не мог упомнить, кто он — Ячмень или Боб.

Когда имена и копья раздали всем, из башни вышел сер Юстас и обратился к ратникам с речью. Он стоял у двери Оплота, облаченный поверх кольчуги и панциря в длинное белое, пожелтевшее с годами, сюрко.

На груди и спине сюрко был вышит зелеными и золотыми квадратиками клетчатый лев.

— Вы все помните Дейка, ребята, — сказал старый рыцарь. — Красная Вдова зашила его в набитый камнями мешок и утопила во рву. Она отняла у него жизнь, а теперь и нашу воду хочет отнять — Клетчатый ручей, орошающий наши поля... но это ей не удастся! За Остреев! — вскричал он, подняв над головой меч. — За Оплот!

— За Остреев! — откликнулся Дунк, и остальные подхватили: — Острей! Острей! Оплот!

После этого сер Юстас стал наблюдать с балкона, как Дунк и Беннис обучают новобранцев в окружении кур и свиней. Сэм Ступс набил мешки грязной соломой. Крестьяне тыкали в них копьями, а Беннис давал указания:

— Воткнул, повернул и выдернул. *Выдернул*, говорю! Оно тебе еще понадобится. Живей поворачивайся, Треб. Кидай лучше камни, коли быстрее не можешь. Вкладывай в удар свой вес, Лим. Вот так, молодцом. Воткнул — выдернул, воткнул — выдернул. Как с бабой: туда-сюда, туда-сюда, драть-драть-драть!

В конце концов из растерзанных мешков вывалилась вся солома. Дунк надел кольчугу, панцирь и взял деревянный меч, желая посмотреть, как мужики управятся с более живым врагом.

Оказалось, что дело у них не очень-то ладится. Один Треб сумел ткнуть Дунка в обход щита, и получилось это у него только однажды. Дунк отражал один неуклюжий выпад за другим, отталкивал копья в стороны и наступал. Будь у него стальной меч, а не деревянный, он убил бы каждого с полдюжины раз.

— Если подпустите меня на расстояние удара — то вы покойники, — орал он, молотя их по рукам и ногам, чтобы наука лучше дошла. Треб, Лим и Мокрый Уот хотя бы отступать научились. Большой Роб бросил копье и побежал. Беннис догнал его и приволок, заплаканного, обратно. Под конец дня все новобранцы покрылись синяками, а на мозолистых

руках от копий вздулись новые волдыри. Сам Дунк остался невредим, но чуть не утонул в поту. Эг помог ему снять панцирь.

На закате Дунк отвел всех бойцов в подвал и заставил помыться — даже и тех, кто это делал не далее как прошлой зимой. Потом жена Сэма Ступса накормила их куриной похлебкой с морковкой, луком и ячменем. Мужики устали до смерти, но слушая их, можно было подумать, что каждый из них скоро превзойдет рыцарей Королевской гвардии. Им не терпелось показать себя в деле. Сер Беннис подначивал их, рассказывая о развеселом солдатском житье, о добыче и женщинах. Двое старых ратников поддакивали ему. Лим после Восстания Черного Пламени принес домой нож и пару хороших сапог; сапоги оказались малы, но он их повесил на стенку. А у Пейта остались самые нежные воспоминания о лагерных потаскушках.

Сэм постелил в подвале восемь соломенных тюфяков, и бойцы, наевшись, легли спать. Беннис, оставшись наедине с Дунком, закатил глаза.

— Надо было серу Дуралею обрюхатить побольше крестьянских баб, пока еще было чем. Понаделал бы ублюдков, и выросли бы солдаты.

— Они не хуже других крестьянских рекрутов. — Дунк навиделся таких, пока был оруженосцем у сэра Арлана.

— Угу. Через пару недель они могли бы выйти против такого же сброда. Но против рыцарей? — Беннис потряс головой и плюнул.

* * *

Колодец Оплота тоже помещался в подвале, защищенный со всех сторон земляными стенами с каменной облицовкой. Здесь жена Сэма стирала и колотила вальком белье, а сушила его на крыше. Большая каменная лохань использовалась заодно и для омовений. Чтобы помыться, следовало начерпать воды из колодца, нагреть ее над очагом в большом чугунном котле, вылить котел в лохань, а затем повторить все сначала. Когда согревался последний котел, вода из первого была уже еле теп-

ленькой. Сер Беннис заявлял во всеуслышание, что не намерен так над- рываться — поэтому вши на нем не переводились, а пахло от него ис- порченным сыром.

Дунку, когда ему неотложно, вот как сегодня, требовалась хорошая баня, хотя бы помогал Эг. Таская воду и ожидая, когда она нагреется, мальчуган угрюмо молчал.

— Эг, что стряслось? — спросил Дунк, когда над последним котлом появился пар. — Помоги мне вылить.

Вдвоем они потащили котел к лохани, стараясь не ошпариться.

— Сер, как вы думаете, что собирается делать сер Юстас? — спросил Эг.

— Снести дамбу и сразиться с людьми вдовы, если они попытаются нам помешать. — Дунк говорил громко, желая перекрычать плеск воды. Они опрокинули котел над лоханью, и от пара Дунк покраснел.

— У них щиты плетеные, сер. Копье или стрела из арбалета их сразу пробьет.

— Мы подберем им какие-нибудь доспехи, когда они будут готовы. — Дунк знал, что на лучшее надеяться нечего.

— Их могут убить, сер. Мокрый Уот совсем еще мальчик, Уилл Яч-мень в следующий приезд септона хочет жениться. А Большой Роб пра- вую ногу от левой не отличает.

Дунк бросил пустой котел на утоптаный земляной пол.

— Роджер из Пеннитри был моложе Мокрого Уота, когда погиб на Краснотравном поле. В войске твоего отца были и молодожены, и парни, которые ни разу девушек не целовали. А уж таких, кто не отличал пра- вую ногу от левой, сотни были, если не тысячи.

— Это другое дело, — не унимался Эг. — Тогда война была.

— У нас тоже война, только помельче.

— Мельче и глупее, сер.

— Об этом не мне судить и не тебе. Их долг — идти на войну, когда сер Юстас призовет... и умереть, если понадобится.

— Тогда не надо было имена им давать. Теперь, если они умрут, будет тяжелее. — Эг сморщил нос. — Если бы мы прибегли к моему сапогу...

— Нет. — Дунк, стоя на одной ноге, стянул собственный сапог.

— Но мой отец...

— Нет. — Второй сапог отправился вслед за первым.

— Мы...

— Нет. — Дунк стащил через голову пропотевшую рубаху и швырнул Эгу. — Скажи жене Сэма, пусть стирает.

— Скажу, сер, только...

— Нет, говорю. Может, в ухо тебе дать, чтоб лучше слышал? — Дунк развязал бриджи, под которыми ничего не было — слишком жарко для подштанников. — Это хорошо, что ты беспокоишься за трех Уотов и остальных, но сапог — это на крайний случай. — *«Сколько глаз у Кровавого Ворона? Тысяча и еще один»*. — Что сказал твой отец, когда отдал тебя мне в оруженосцы?

— Чтобы я всегда брил или красил волосы и никому не называл своего настоящего имени, — неохотно промолвил мальчик.

Эг служил у Дунка года полтора, хотя иногда казалось, что все двадцать. Вместе они одолевали Принцев перевал и пересекали глубокие пески Дорна — красные и белые. Вместе спустились на плоскодонке по реке Зеленая Кровь до Дошatego города, а оттуда на галеесе «Белая леди» приплыли в Старомест. Вместе ночевали в гостиницах, на конюшнях, в канавах, делили трапезу с праведными братьями, шлюхами, лицедеями и посетили не меньше сотни кукольных представлений. Эг ухаживал за конем Дунка, точил его меч и счищал ржавчину с его кольчуги. Лучшего спутника человек и желать не мог, и межевой рыцарь относился к нему чуть ли не как к младшему брату.

«А между тем никакой он мне не брат». Куриное яйцо не чета дракону. Эг может служить в оруженосцах у межевого рыцаря, но Эйгон из дома Таргариенов — это четвертый и самый младший сын Мейкара, принца Летнего замка, который, в свою очередь, является четвертым

сыном покойного короля Дейрона Доброго, Второго этого имени — тот сидел на Железном троне двадцать пять лет, пока его не прибрало Великое весеннее поветрие.

— Насколько всем известно, Эйгон Таргариен вернулся в Летний замок со своим братом Дейроном после Эшфордского турнира, — напомнил мальчику Дунк. — Твой отец не желал разглашать, что ты скитаешься по Семи Королевствам с каким-то межевым рыцарем. Так что помалкивай о своем сапоге.

В ответ он получил только взгляд. Большие глаза Эга казались еще больше из-за бритой головы. В тускло освещенном подвале их можно принять за черные, но при лучшем освещении виден их истинный цвет, темно-лиловый. «*Валирийские глаза*», — подумал Дунк. В Вестеросе такие встречаются только у потомков дракона, а в волосах у них золото перемежается с серебром.

Когда они спускались на шестах по Зеленой Крови, девочки-сиротки повадились хлопать Эга по лысой макушке, на счастье, и этим вгоняли его в краску. «Девчонки все глупые, — заявлял он. — Если еще одна меня тронет, полетит в реку». «Тогда я тебя трону, — пообещал Дунк. — Так по уху тресну, что до будущей луны колокольный звон будешь слышать». «Лучше уж колокола, чем дуры-девчонки», — пробурчал мальчуган, но в реку так ни одну и не кинул.

Дунк залез в лохань, и вода покрыла его до подбородка. Снизу она успела подостыть, но сверху была как кипяток. Он стиснул зубы, чтобы не заорать. Эг бы над ним посмеялся — мальчишка с удовольствием моется в кипятке.

— Не подогреть ли еще воды, сер?

— Не надо, хватит и этой. — Дунк тер руку, и грязь сходила в воду дымчатыми струйками. — Принеси-ка мне мыло и скребницу с длинной ручкой. — Думая о волосах Эга, Дунк вспомнил, как грязны его собственные, задержал дыхание и окунулся с головой. Когда он вынырнул, Эг уже доставил требуемое. — У тебя остались два волоска — вот тут, по-

ниже уха, — заметил Дунк. — Не забудь про них, когда опять будешь бриться.

— Хорошо, сер. — Мальчишку это открытие явно порадовало.

«Думает, что у него борода начинает расти, не иначе». Дунк тоже радовался, обнаружив пушок у себя на верхней губе. *«Чуть нос себе тогда не оттяпал, сбривая кинжалом».*

— Ступай теперь спать, — сказал он Эгу. — До утра ты мне не понадобишься.

Соскребать грязь и пот пришлось долго. Закончив, Дунк отложил мыло в сторону, вытянулся как смог и закрыл глаза. Вода остыла и приятно холодила после ужасной дневной жары. Он продолжал лежать, пока не сморщилась кожа на пальцах, а вода не стала серой и совсем холодной. Лишь тогда он нехотя вылез.

Их с Эгом тюфяки тоже лежали в подвале, но они предпочитали спать на крыше. Воздух там был свежее, и даже ветер иногда веял. Дождя опасаться не приходилось — здесь его за все их пребывание еще не случилось ни разу.

Когда Дунк поднялся на крышу, Эг уже спал. Дунк лег, заложил руки за голову и стал смотреть в небо. Тысячи звезд горели там, напоминая ему о ночи на Эшфордском лугу, перед началом турнира. В ту ночь он увидел, как упала звезда. Падучие звезды, по общему мнению, предвещают удачу, и он попросил Тансель нарисовать эту звезду на щите, но Эшфорд не принес ему счастья. До конца турнира он чуть было не лишился руки и ступни, а трое хороших людей и вовсе расстались с жизнью. *«Зато я приобрел оруженосца. Эг уехал из Эшфорда вместе со мной — вот и все, в чем мне посчастливилось».*

Дунк надеялся, что в эту ночь звезды падать не станут.

* * *

Вдали виднелись красные горы, встающие из белых песков. Дунк копал, втыкая лопату в сухую горячую землю, и кидал через плечо пес-

чаный грунт. Он рыл яму. *«Могила, чтобы похоронить надежду»*. Трое дорнийских рыцарей наблюдали за ним, переговариваясь тихими на-смешливыми голосами. Чуть подальше ждали купцы с мулами, возами и волокушами. Им хотелось отправиться в путь, но приходилось ждать, пока он не похоронит Каштанку. Он отказывался бросить старую подру-гу на съедение змеям, скорпионам и диким собакам.

Кобыла пала на долгом безводном переходе от Принцева перевала до Вейта. На ней ехал Эг. Передние ноги внезапно подломились под ней, она опустилась на колени, упала на бок и умерла. Теперь она лежала ря-дом с ямой, уже окоченев, — скоро и запах пойдет.

Дунк, работая, проливал слезы на потеху дорнийским рыцарям.

— Вода тут в большой цене — не тратьте ее попусту, сер, — говорил один.

— Нашел о чем плакать, — ухмылялся другой. — Добро бы лошадь была хорошая.

«Каштанка, — думал Дунк. — Ее звали Каштанкой, она долгие годы носила меня на себе, не била задом и не кусалась». Она имела жалкий вид рядом с поджарыми скакунами дорнийцев, с их точеными головами, длинными шеями и пышными гривами, но исполнила свой долг до кон-ца.

— Плакать по вислобрюхой кляче? — старческим голосом промол-вил сер Арлан. — По мне ты небось не плакал, а ведь это я посадил тебя на нее. — Старик посмеялся беззлобно и добавил: — Эх ты, Дунк-чурбан.

— Он и меня не оплакивал, — подал голос Бейлор Копьелом из мо-гилы. — А ведь я был его принцем, надеждой Вестероса. Боги не предна-значали мне умереть так рано.

— Отцу было всего тридцать девять, — подхватил принц Валарр. — Он мог стать великим королем, самым великим после Эйгона Дракона. — Принц смотрел на Дунка холодными голубыми глазами. — Отчего же боги забрали его, а не вас?

«Ты мертв! — хотелось закричать Дунку. — Вы трое все мертвецы, почему бы вам не оставить меня в покое?» Сер Арлан умер от простуды, принц Бейлор — от удара, нанесенного ему собственным братом во время испытания Семерых, сын его Валарр — по весне. *«Уж в его-то смерти я не виноват. Я был в Дорне и даже не знал ничего».*

— Ты рехнулся, — сказал старый рыцарь. — Мы для тебя могилу копать не будем, когда ты убьешь себя этой работой. В пустыне надо беречь силы и воду.

— Ступайте прочь, сер Дункан, — сказал Валарр. — Ступайте.

Эг помогал рыть — не лопатой, руками, и выброшенный песок тут же снова стекал в могилу. Все равно что рыть яму на дне моря. *«Но я должен копать, — говорил себе Дунк, хотя спина и плечи у него разламывались. — Надо похоронить ее поглубже, чтобы дикие собаки не достали. Я должен...»*

— ...Умереть? — спросил из могилы дурачок, Большой Роб. Он лежал там смиренно, с резаной красной раной на животе, и не казался таким уж большим.

Дунк остановился и уставился на него.

— Но ты-то не умер. Ты спишь в подвале. — Он посмотрел на сера Арлана и взмолился: — Велите ему вылезти из могилы, сер.

Но рядом с ним стоял вовсе не сер Арлан, а сер Беннис Бурый Щит.

— Дунк-чурбан, — закудахтал он, — вспарывая брюхо, ты убиваешь медленно, зато верно. Никогда не видывал человека, который выжил бы, если кишки ему выпустить. — На губах у него пузырилась красная пена. Он плюнул, и белые пески впитали его плевок. Позади него Треб со стрелой в глазу лил медленные красные слезы. Там же стоял Мокрый Уот с разрубленной чуть не надвое головой, и Лим, и красноглазый Пейт, и все остальные. Сначала Дунк подумал, что они тоже жуют кислolist, но нет — изо рта у них текла кровь. *«Мертвые, все они мертвые».*

— Вот-вот, — заржал бурый рыцарь, — так что шевелись, чурбан, надо побольше могил нарыть. Восемь для них, одну для меня, одну для сера Дуралея, а последнюю для твоего лысого мальчика.

Лопата выпала у Дунка из рук.

— Эг, беги! — крикнул он. — Надо бежать! — Но их ноги увязали в песке, а когда мальчик попытался выбраться из ямы, она осыпалась, и пески сомкнулись над ним. Дунк рвался к нему, а песок поднимался все выше, затягивая и его в могилу, заполняя рот, нос, глаза...

* * *

Утром сер Беннис стал учить рекрутов строить стену из щитов. Он поставил всех восьмерых в ряд так, чтобы щиты соприкасались, а копья торчали между ними, как длинные деревянные зубы. Дунк и Эг сели верхом и пошли в атаку.

Мейстер стал как вкопанный в пяти шагах от копейщиков и отказывался двигаться с места. Гром же, будучи обученным боевым скакуном, набрал ход и помчался напролом. Куры с воплями вспархивали из-под его ног. Их паника оказалась заразной: первым бросил копье Большой Роб, оставив брешь посреди стены. Воители, вместо того чтобы сомкнуться, ударились в бегство вслед за ним. Гром, которого Дунк не успел сдержать, топтал плетеные щиты, и они хрустели под железными подковами. Беннис витиевато ругался, крестьяне и куры разбегались во все стороны. Эг мужественно боролся со смехом, но в конце концов проиграл битву.

— Ну, хватит. — Дунк остановил Грома и сорвал с себя шлем. — Если и в бою будет то же самое, их всех поубивают. *«Да и нас тоже скорее всего»*. Становилось жарко, и он чувствовал себя потным и грязным, точно и не мылся вчера. В голове стучало, недавний сон никак не желал забываться. *«На самом деле все было не так, — твердил он себе. — Совсем не так»*. Каштанка умерла на пути в Вейт, это правда, и они с Эгом ездили

на одном коне, пока брат Эга не подарил им Мейстера, но все остальное...

«Я не плакал тогда. Может и хотелось, но не плакал». Он собирался похоронить лошадь, но дорнийцы не стали ждать. «Собакам тоже есть надо и щенков чем-то кормить, — сказал один из них, помогая Дунку снять с Каштанки седло и уздечку. — Собаки и песок обглодают ее дочиста, не пройдет и года. Это Дорн, дружище». *«А кто же обглодает Уотов?»* — невольно подумал Дунк, вспомнив об этом. — *«Разве что клетчатые рыбы в Клетчатом ручье».*

Он вернулся к башне и спешился.

— Эг, помоги серу Беннису собрать их и привести обратно сюда. — Он бросил Эгу шлем и поднялся в полутемную горницу к серу Юстасу.

— Не слишком удачно вышло, — сказал старый рыцарь.

— Да, милор. От них толку не будет. — *«Присяжный рыцарь должен верно служить своему сюзерену, но это уже безумие».*

— Им такое в новинку. Их отцы и братья были ничуть не лучше, когда начинали. Мои сыновья вложили в них много труда, прежде чем отправиться королю на подмогу. Учили их изо дня в день добрые две недели и сделали их солдатами.

— А как они держали себя в бою, милор? — спросил Дунк. — И много ли их вернулось с вами домой?

Старый рыцарь посмотрел на него долгим взглядом.

— Лим и Пейт. И Дейк. Дейк был у нас фуражиром — лучшего фуражира я в жизни не видывал. Мы ни разу не снялись с лагеря на пустой желудок. Трое вернулось — трое, не считая меня. — Его усы дрогнули. — В две недели мы, пожалуй, не уложимся.

— Милор, эта женщина может нагрянуть сюда уже завтра со всеми своими людьми. — *«И наши ребята тут же станут мертвыми при столкновении с рыцарями Холодного Рва»*, — добавил про себя Дунк. — Надо найти другой способ.

— Другой... — Сер Юстас провел пальцами по щиту Малого Льва. — Ни от лорда Рована, ни от нынешнего короля я не дождусь правосудия. — Он ухватил Дунка за руку выше запястья. — Но в старину, когда нами правили зеленые короли, за убитое животное или крестьянина можно было уплатить кровавую цену.

— Кровавую цену? — с сомнением повторил Дунк.

— Вот вам и способ. У меня кое-что отложено. Речь ведь идет о простой царапине, как сказал сер Беннис. Я мог бы уплатить тому человеку серебряного оленя и еще три женщине за нанесенное бесчестье. Я готов это сделать, если она снесет дамбу. Но в Холодный Ров мне ехать нельзя, — нахмурился старик. Толстая черная муха, пожужжав, села ему на руку. — Этот замок когда-то был нашим. Вы этого не знали, сер Дункан?

— Знал, милор. — Дунку сказал об этом Сэм Ступс.

— За тысячу лет до Завоевания мы были хранителями Северных марок, и в вассалах у нас ходили двадцать мелких лордов и сто ленных рыцарей. Мы владели четырьмя замками и сторожевыми башнями на холмах — с них следили, не идет ли враг. Холодный Ров был самым крупным из наших поместий. Лорд Первин Огрей построил его — Первин Гордый. После битвы на Пламенном Поле Хайгарден перешел от королей к стюардам, и род Огрей захирел. Король Мейгор, сын Эйгона, отобрал у нас Ров, когда лорд Ормонд Огрей выступил против притеснения им Звезд и Мечей — так назывались тогда отряды Честных Бедников и Сынов Воина. — Голос старика звучал хрипло. — Над воротами Холодного Рва выбит клетчатый лев. Отец показал мне его, когда ездил со мной к старому Рейнарду Вебберу, а я, в свой черед, показал своему сыну, Аддаму... Он служил в Холодном Рву пажом, а затем оруженосцем. Между ним и дочерью лорда Вимана возникла... привязанность, и вот однажды зимой я облачился в лучшие свои одежды и поехал к лорду Виману просить ее руки. Он отказал — учтиво, но я, уезжая, слышал, как он смеется с сером Лукасом Инчфилдом. После этого я побывал во Рву

только раз, когда эта женщина похитила одного из моих людей. Когда мне сказали, чтобы я поискал бедного Лима на дне...

— Дейка, — мягко поправил Дунк. — Беннис говорит, его звали Дейк.

— Дейк? — Муха, ползая по рукаву старика, остановилась потереть лапки. Сер Юстас согнал ее и подергал себя за ус. — Ну да, Дейк, я так и сказал. Лихой парень, я хорошо его помню. На войне он был у нас фуражиром. Нам никогда не приходилось воевать на пустой желудок. Когда сер Лукас сказал мне, что сделали с моим бедным Дейком, я поклялся, что ноги моей больше не будет в этом замке, разве лишь чтобы вступить во владение. Теперь вы понимаете, почему я не могу поехать туда, сер Дункан, ни для уплаты кровавой цены, ни по иной причине.

Дунк понимал как нельзя более ясно.

— Но я-то могу, милор. Я ведь не давал клятвы.

— Вы славный человек, сер Дункан, и отважный рыцарь. — Старик крепко сжал его руку. — Жаль, что боги не пощадили мою Алисанну. Именно о таком муже для нее я и мечтал. Об истинном рыцаре, сер Дункан, истинном.

Дунка бросило в краску.

— Я передам леди Веббер то, что вы сказали относительно кровавой цены, но...

— Этим вы спасете сера Бенниса от участи Дейка. Я знаю. В людях я разбираюсь недурно, и в вас чувствуется сталь. Один ваш вид заставит их призадуматься. Когда эта женщина увидит, что у Оплота есть такой защитник, она разрушит свою дамбу по собственной воле.

Дунк, не зная, что на это ответить, преклонил колени и сказал:

— Я поеду завтра, милор, и сделаю, что смогу.

— Истинно так. Завтра. — Муха снова села серу Юстасу на левую руку. Он поднял правую и прихлопнул ее.

* * *

— Опять? — вознегодовал Эг. — Вы ж только вчера помылись.

— А потом весь день плавал в поту под доспехами. Закрой рот и на-
бери воды.

— Вы мылись, когда сер Юстас взял нас на службу, — вспомнил Эг. —
Да вчера, да еще сегодня. Три раза получается, сер!

— Мне предстоят переговоры с благородной дамой. Хочешь, чтобы
от меня разило, как от сера Бенниса, когда я буду стоять перед ней?

— Для этого вам пришлось бы сперва в Мейстеровом навозе выва-
ляться, — заметил Эг, наполняя котел. — Сэм Ступс говорит, что кастелян
Холодного Рва с вас ростом будет. Его имя Лукас Инчфилд, а прозвище —
Длинный Дюйм. Как вы думаете, он правда такой большой?

— Нет. — Дунк давно уже не встречал никого с себя ростом. Он взял
котел и повесил его над огнем.

— Вы будете с ним сражаться?

— Нет. — Дунку очень хотелось бы ответить «да». Пусть он не пер-
вый боец в королевстве, но рост и сила могут восполнить много изъя-
нов. *«Жаль, что к недостатку ума это нельзя применить»*. Со словами он
управляется плоховато, а с женщинами и того хуже. Этого здоровенного
Длинного Дюйма он опасался и вполтину не так сильно, как встречи с
Красной Вдовой. — Я буду говорить со вдовой, только и всего.

— А что вы ей скажете, сер?

— Что она должна снести дамбу. — *«Вы должны снести дамбу, миледи,
иначе...»* — Вернее, я попрошу ее об этом. — *«Пожалуйста, верните нам
клетчатую воду»*. — Если ей будет угодно. — *«Хоть чуточку, миледи, сми-
луйтесь»*. Серу Юстасу не понравится, если он будет унижаться. *«Как же
сказать ей?»*

Вода в котле уже закипала, и Дунк велел Эгу:

— Помоги-ка мне. — Вместе они вылили воду в лохань. — Не умею я
говорить с благородными дамами, — признался Дунк. — В Дорне мы оба
могли поплатиться жизнью за то, что я сказал леди Вейт.

— Леди Вейт была сумасшедшая, — напомнил Эг, — но немного галантности вам бы не помешало. Дамы любят галантность. Если бы вы защитили Красную Вдову, как ту девушку-кукольницу от Эйриона...

— Эйрион сейчас в Лиссе, а вдова не нуждается в защите. — Дунку не хотелось говорить о Тансель. *«Ее прозвали Тансель Длинная, но для меня она была в самый раз».*

— Некоторые рыцари поют своим дамам галантные романсы или играют им на лютне.

— У меня лютни нет, — насупился Дунк. — А когда я напился в Дошлатом городе, ты сказал, что я пою, как завязший в грязи буйвол.

— Верно, сер. Я и позабыл.

— Как ты мог позабыть?

— Вы мне велели забыть, я и забыл, — невинным голоском ответил Эг. — Вы сказали, что дадите мне в ухо, если я об этом упомяну.

— Обойдемся без песен. — Будь даже у него голос, песню он знал только одну, «Медведь и прекрасная дева» — вряд ли ею можно покорить леди Веббер.

Котел снова стал пускать пары, и они вылили воду в лохань. Наполнив котел в третий раз, Эг уселся на стену колодца.

— Не ешьте и не пейте ничего в Холодном Рву, сер. Красная Вдова всех своих мужей отравила.

— Я на ней жениться не собираюсь. Она знатная леди, а я Дунк с Блошиного Дна. Сколько у нее всего мужей было, не знаешь?

— Четверо, а детей нету. Как только она родит, ночью является демон и уносит младенца. Жена Сэма говорит, что она их еще до рождения продала владыке Семи Преисподних, а он взамен обучил ее ворожбе.

— Благородные леди не занимаются ворожбой. Они танцуют, поют и вышивают.

— Может, она пляшет с демонами и вышивает злые заклятия, — со смаком предположил Эг. — Да и откуда вам знать, что делают благородные леди, сер? Вы знакомы с одной только леди Вейт.

Слова были дерзкие, но правдивые.

— Может, я и не знаком с высокородными леди, зато хорошо знаю одного высокородного мальчишку, и он так и напрашивается, чтоб получить в ухо. — Дунк потер затылок, который после целого дня ношения кольчуги делался как деревянный. — Ты вот знался с принцессами и королевами — разве они пляшут с демонами и занимаются колдовством?

— Леди Шира, любовница Кровавого Ворона, занимается. Она купается в крови, чтобы сохранить красоту. А моя сестра Рей подлила мне приворотного зелья, чтоб я женился на ней, а не на Дейле, другой сестре.

Эг говорил о подобном кровосмешении как о самом естественном деле. *«Для него это так и есть»*. У Таргариенов братья веками женятся на сестрах, оберегая чистоту драконовой крови. Последний дракон умер еще до рождения Дунка, но династия Драконьих королей продолжается. *«Может быть, боги не против таких браков»*.

— Ну и как зелье, подействовало? — спросил Дунк.

— Подействовало бы, да я его сразу выплюнул. Мне жена ни к чему, я хочу стать рыцарем Королевской гвардии и посвятить всю жизнь королю. Белые рыцари приносят обет безбрачия.

— Это благородно, но ты, когда подрастешь, возможно предпочтешь белому плащу девицу. — Дунку вспомнилась Тансель Длинная и то, как она улыбалась ему в Эшфорде. — Сер Юстас сказал, что желал бы для своей дочери такого мужа, как я. Ее звали Алисанна.

— Она мертва, сер.

— Без тебя знаю, — раздраженно отрезал Дунк. — Он сказал «будь она жива». Тогда он выдал бы ее за меня. Или за такого, как я. Никогда еще лорд не предлагал мне свою дочь в жены.

— Умершую дочь. И если Остреи когда-то и были лордами, то сер Юстас просто ленный рыцарь.

— Я знаю, кто он такой. В ухо захотел?

— Лучше уж в ухо, чем жениться. Особенно на мертвой. Вода закипает, сер.

Они опрокинули в лохань третий котел, и Дунк стал раздеваться.

— Завтра я надену мою дорнийскую тунику. — Это была самая красивая вещь в гардеробе Дунка: песочный шелк с изображением вяза и падающей звезды.

— Если надеть его в дорогу, он весь пропотеет, сер. Наденьте этот, а тот я возьму с собой. Переоденетесь, когда доедете до замка.

— *Поблизости* от замка. Я не стану дурака из себя строить, переодеваясь на подъемном мосту. И кто тебе сказал, что ты едешь со мной?

— Рыцарь внушает больше уважения, если его сопровождает оруженосец.

Это было правдой. Мальчишка хорошо смыслит в таких вещах, не зря же он прослужил два года пажом в Королевской Гавани. И все же Дунк не хотел брать его на опасное дело. Кто знает, какой прием ему окажут в Холодном Рву. Если эта Красная Вдова в самом деле так страшна, как о ней говорят, он может оказаться в вороньей клетке, вроде тех двоих на перекрестке дорог.

— Ты останешься и поможешь Беннису с новобранцами. И не дуйся, это не поможет. — Дунк скинул бриджи и сел в горячую воду. — Отправляйся спать и дай мне помыться. Ты не едешь, и весь разговор.

* * *

Когда Дунка разбудило солнце, Эга уже след простыл. *«Боги, почему так жарко? Еще ведь утро!»* Он сел, потянулся и сонно побрел к колодцу. Там он зажег толстую сальную свечу, поплескал холодной водой в лицо и оделся.

Оседланный Гром уже ждал его у конюшни. Эг с Мастером тоже ждали.

В тугих белых бриджах, в дублете с зелеными и золотыми квадратами и в сапогах мальчишка в кои-то веки выглядел как настоящий оруженосец.

— Бриджи порвались сзади, но жена Сэма зашила их, — объявил он.

— Это вещи Аддама, — пояснил сер Юстас, выводя из конюшни собственного серого мерина. Поношенный шелковый плащ с клетчатым львом окутывал его плечи. — Дублет немного сопрел в сундуке, но еще годен. Рыцарь с оруженосцем внушает больше уважения, поэтому я решил, что Эг будет сопровождать вас в Холодный Ров.

«*Меня перехитрил десятилетний мальчишка*». Дунк посмотрел на Эга и произнес одними губами: «А в ухо?» Тот заухмылялся.

— У меня и для вас кое-что есть, сер Дункан. Смотрите. — Старик потряхнул чем-то в воздухе и развернул еще один плащ — из белой шерсти, расшитый квадратами зеленого атласа и парчи. Последняя вещь, которую Дунку хотелось надеть в такую жару, но когда сер Юстас накинул плащ ему на плечи, Дунк увидел гордость в его глазах не смог отказать.

— Благодарю вас, милор.

— Он вам к лицу. Жаль, что я не могу дать вам еще что-нибудь. — Усы старика дрогнули. — Я велел Сэму поискать в вещах моих сыновей, но Эдвин и Гарольд были гораздо ниже вас, уже в груди, и ноги у них были намного короче. То, что осталось от них, вам будет не впору, увы.

— Плаща вполне довольно. Я не посрамлю его, милор.

— Не сомневаюсь в этом. — Старик потрепал серого по шее. — Я провожу вас немного, если не возражаете.

— Как вам угодно, милор.

Эг поехал под гору первым, очень прямо держась в седле.

— А эта шляпа ему непременно нужна? — спросил сер Юстас. — Какой-то дурацкий вид, вам не кажется?

— Будет еще хуже, милор, если у него голова облезет. — Солнце, едва взойдя, уже припекало. «*К полудню седла начнут так жечь, что волдыри вскочат*». Эг, конечно, хорош в наряде умершего мальчика, но к вечеру сварится вкрутую. Дунк хотя бы переодеться сможет — парадную тунику он вез в седельной сумке.

— Поедем западной дорогой, — решил сер Юстас. — Последнее время ею мало пользуются, однако это самый короткий путь до Холодного Рва. — Дорога вела в обход холма, мимо ежевичника, где покоились жена и сыновья старого рыцаря. — Они любили ходить сюда по ягоды, мои мальчишки. Малышами они прибежали ко мне все перемазанные и исцарапанные, и я сразу догадывался, где они были. — Лицо старика осветила нежная улыбка. — Ваш Эг напоминает мне моего Аддама. Такой же смелый, несмотря на свои юные годы. Аддам прикрыл собой своего раненого брата Гарольда, и речной рыцарь с шестью желудями на щите отсек ему руку топором. — Грустные серые глаза сера Юстаса встретились с глазами Дунка. — Ваш старый господин, рыцарь из Пеннитри, тоже сражался во время Восстания Черного Пламени?

— Да, милор — еще до того, как взял меня к себе. — Дунку в ту пору было года три или четыре, и он бегал, полуголый, по улицам Блошиного Дна, скорее звереныш, чем человеческое дитя.

— За красного дракона или за черного?

«За красного или черного?» Вопрос оставался опасным даже спустя столько лет. Со времен Эйгона Завоевателя в гербе Таргариенов значился трехглавый дракон, красный на черном. Деймон Претендент по обычаю многих бастардов поменял эти цвета на своих знаменах и взял фамилию Блэкфайр, или Черное Пламя. «Сер Юстас — мой сюзерен и имеет право знать», — напомнил себе Дунк.

— Он сражался под знаменем лорда Хейфорда, милор.

— Бледно-зеленые скрещенные полосы на золотом поле? Волнистые?

— Возможно, милор. Эг должен знать. — Мальчуган мог без запинки назвать гербы половины вестеросских рыцарей.

— Он был известный сторонник престола, лорд Хейфорд. Король Дейрон сделал его своим десницей перед самым сражением. Батервелл так плохо справлялся с этой должностью, что многие сомневались в его

преданности, но лорд Хейфорд оставался нестигаемым от начала до конца.

— Сер Арлан был рядом с ним, когда он погиб. Его зарубил лорд с тремя замками на щите.

— Много славных людей погибло в тот день и с той и с другой стороны — потому это поле и назвали Краснотравным. Сер Арлан рассказывал вам о сражении?

— Он не любил говорить о нем. Там погиб и его оруженосец, Роджер из Пеннитри, сын его сестры. — При одном упоминании этого имени Дунк испытывал легкое чувство вины. *«Я занял чужое место»*. Только принцы и самые знатные лорды могут позволить себе двух оруженосцев. Если бы Эйгон Недостойный вручил свой меч законному наследнику Дейрону, а не бастарду Деймону, Восстания Черного Пламени могло и не быть, и Роджер из Пеннитри был бы жив. *«Со временем он стал бы рыцарем, истинным рыцарем, не то, что я. А меня в конце концов повесили бы или сослали на Стену, в Ночной Дозор»*.

— Страшное это дело — большое сражение, — сказал сер Юстас. — Но, помимо крови и резни, в нем есть и красота, красота, от которой разрывается сердце. Никогда не забуду, как садилось солнце над Краснотравным полем. Десять тысяч человек полегло, воздух наполняли стоны и жалобы, но небо над нами, золотое, алое и оранжевое, было прекрасно, и я плакал оттого, что моим сыновьям не дано его видеть. — Он вздохнул. — В тот день, что бы вам ни говорили теперь, все висело на волоске. Если б не Кровавый Ворон...

— Я всегда думал, что битву выиграл Бейлор Копьелом. Он и принц Мейкар.

— Молот и наковальня? — Старик шевельнул усами. — Певцы о многом умалчивают. Деймон в тот день был воплощением самого Воина. Никто не мог выстоять против него. Он разнес вдребезги авангард лорда Аррена, убил Рыцаря Девяти Звезд и Дикого Виля Уэйнвуда, а затем схватился с сером Гвейном Корбреем из Королевской гвардии. Чуть ли

не час гарцевали они на конях и рубились, а убитые падали вокруг них. Говорят, что каждый раз, как сходились их мечи, Черное Пламя и Покинутая, звон разносился на целую лигу — то ли песнь, то ли вопль. Но наконец Покинутая дрогнула, и Черное Пламя рассекло шлем сера Гвейна, ослепив его и залив кровью. Деймон спешил, чтобы оградить поверженного врага от конских копыт, и приказал Красному Бивню унести его в тыл, к мастерам. Сделав это, он совершил роковую ошибку. Вороньи Зубы только что заняли Гряду Слез, и Ворон увидел в трехстах ярдах королевский штандарт своего сводного брата, а под ним — Деймона и его сыновей. Первым он сразил Эйгона, старшего из близнецов — он знал, что Деймон ни за что не оставит мальчика, пока в том теплится жизнь, даже под градом белых стрел. И Деймон не оставил, и семь стрел пронзили его — они слетели с лука Кровавого Ворона, но направляло их колдовство. Юный Эймон поднял Черное Пламя, выпавшее из руки умирающего отца, и Ворон его тоже убил. Так погиб черный дракон и его сыновья.

После этого произошло еще много всего, я знаю. Кое-что я видел сам. Мятежники обратились в бегство, но Жгучий Клинок повернул назад и предпринял свою безумную атаку... его бой с Кровавым Вороном уступал только поединку Деймона с Гвейном Корбреем. Принц Бейлор, как молот, обрушился на задние ряды мятежников, дорнийцы с бешеным визгом метали копья... но это уже не имело решающего значения. Война была окончена, когда погиб Деймон.

От какой малости порой все зависит. Если бы Деймон остался в седле и предоставил Гвейна его судьбе, он мог бы разбить левое крыло Мейкара еще до того, как Кровавый Ворон занял гряду. Тогда битву бы выиграла черные драконы, а десница короля пал, и перед мятежниками открылась бы дорога на Королевскую Гавань. Пока принц Бейлор подошел бы со своими штормовыми лордами и дорнийцами, Деймон уже мог бы сесть на Железный трон.

Певцы могут сколько угодно разливаться про молот и наковальню, но исход битвы решил братоубийца своими белыми стрелами и черными чарами. И теперь нами правит он, не сомневайтесь на этот счет. Король Эйрис — его создание. Я не удивился бы, узнав, что Ворон околдовал его величество и подчинил своей воле. Не диво, что нас постигло проклятие. — Сер Юстас погрузился в мрачное молчание. Дунку хотелось знать, что из всего этого слышал Эг, но его бесполезно спрашивать, все равно не сознается. *«Сколько глаз у Кровавого Ворона?»* — подумал он.

День быстро накалялся. *«Даже мухи в такую жару не летают, — заметил Дунк. — У них больше ума, чем у рыцарей».* Окажут ли им с Эгом гостеприимство в Холодном Рву? Кружка охлажденного темного эля пришлась бы кстати. Дунк обдумывал эту вероятность с удовольствием, но тут он вспомнил, что говорил Эг о мужьях Красной Вдовы, и жажды как не бывало. Есть вещи похуже пересохшей глотки.

— Было время, когда дом Огррей владел всеми землями в округе, от Нанни на востоке до Мощеного Двора, — снова заговорил сер Юстас. — Холодный Ров был наш, и Подковные холмы, и пещеры Дерринга, и оба берега Лиственного озера, и села Доск, Малый Доск, Бутылочное Дно... Девицы Огррей выходили замуж за Флорентов, Сваннов, Тарбеков, даже за Хайтауэров и Блэквудов.

Вдали показался край Уотова леса. Дунк заслонил рукой глаза и один-единственный раз позавидовал соломенной шляпе Эга. *«Хорошо будет побыть хоть недолго в тени».*

— Раньше Уотов лес тянулся до самого Холодного Рва, — сказал сер Юстас. — Кто был Уот, я не помню, но до Завоевания тут водились зубры и лоси ладоней двадцати вышиной. А уж красных оленей за всю жизнь было не перевести, ведь тут разрешалось охотиться только королю да клетчатому льву. Еще при моем отце деревья росли по обе стороны ручья, но пауки вырубали лес, чтобы расчистить пастбище для своей скотины и лошадей.

Пот струился по груди Дунка, и ему очень хотелось, чтобы его сюзерен помолчал. *«Слишком жарко для разговоров, и для верховой езды, и для всего остального».*

В лесу они наткнулись на труп большого древесного кота, кишящего червями.

— Фу-у. — Эг далеко объехал падаль. — Воняет хуже, чем от сера Бенниса.

Сер Юстас придержал коня.

— Не знал, что в этом лесу еще остались древесные коты. Отчего же он погиб? — Не получив ответа, он сказал: — Здесь я поверну обратно. Держите на запад, и приедете прямо к Холодному Рву. Деньги у вас при себе? — Дунк кивнул. — Это хорошо. Возвращайтесь вместе с водой, сер, — сказал старый рыцарь и потрусил к дому.

— Я придумал, как вам говорить с леди Веббер, — тут же зачастил Эг. — Надо привлечь ее на нашу сторону комплиментами. — Мальчишка в своем дублете выглядел таким же свеженьким, как сер Юстас в своем плаще.

«Один я, что ли, потею», — подумал Дунк и повторил:

— Комплиментами, значит. Это еще что за штука?

— Вы знаете, сер. Скажите ей, как она прекрасна.

— Она четырех мужей пережила и стара, должно быть, как леди Вейт, — засомневался Дунк. — Если я скажу покрытой бородавками карге, что она прекрасна, она меня за лжеца примет.

— А вы скажите правду. Так мой брат Дейрон делает. Даже у старой шлюхи может быть что-то красивое — волосы там или уши, как он говорит.

— Уши? — Сомнения Дунка усиливались.

— Или глаза. Скажите, что платье подчеркивает цвет ее глаз. — Мальчуган пораздумал. — Если, конечно, у нее оба глаза целы, а не один, как у Кровавого Ворона.

«Миледи, это платье подчеркивает цвет вашего прекрасного глаза». Дунк слышал, как другие рыцари опускают дамам такого рода любезности — не столь, правда, смелые. *«Миледи, ваше платье прелестно. Оно подчеркивает цвет обоих ваших глаз».* Среди дам встречались и сморщенные старухи, и толстушки, и рябые, но платья носили все, и оба глаза у них, насколько Дунк помнил, были на месте. *«Какое чудесное платье, миледи! Оно прекрасно подчеркивает цвет ваших прелестных глаз».*

— Межевым рыцарям проще жить, — посетовал Дунк. — Ляпну что-нибудь не то, а она велит зашить меня в мешок с камнями и кинуть в свой ров.

— Сомневаюсь, что у нее найдется такой большой мешок, сер, но лучше бы нам прибегнуть к моему сапогу.

— Нет, — отрезал Дунк.

Выехав из Уотова леса, они очутились намного выше плотины. Вода здесь стояла так высоко, что Дунк вполне мог бы осуществить свою мечту и выкупаться. *«Тут и утопить человека впору»*, — подумал он. На том берегу вдоль ведущей на запад дороги пролегала канава, а от нее ответвлялось множество мелких, орошавших поля. *«Перебравшись через ручей, мы окажемся во власти Вдовы».* Дунк гадал, что его ждет. Он ведь один-одинешенек, не считая десятилетнего мальчика, который прикрывает его спину.

— Сер, почему мы остановились? — обмахиваясь, спросил Эг.

— Мы не останавливались. — Дунк послал Грома через ручей, Эг последовал его примеру. Вода доходила Грому до брюха, и на вдовый берег они выбрались мокрые. Канава уходила вдаль, прямая, как стрела, отсвечивая на солнце золотом и зеленью.

Увидев несколько часов спустя башни Холодного Рва, Дунк остановился, переоделся в дорнийскую тунику и поправил меч в ножнах. Недоставало еще, чтобы клинок застрял, когда понадобится вынуть его. Эг, с серьезным под полями шляпы лицом, проделал то же самое со своим

кинжалом. Теперь они ехали бок о бок — Дунк на большом боевом скакуне, Эг на муле, с безжизненно повисшим на древке знаменем Остреев.

Холодный Ров после всех рассказов сера Юстаса немного разочаровал Дунка. По сравнению со Штормовым Пределом, Хайгарденом и другими поместьями, которые ему довелось повидать, этот замок выглядел весьма скромно... но все же был настоящим замком, а не укрепленной сторожевой башней. Зубчатые крепостные стены насчитывали в высоту тридцать футов, а дозорные вышки на каждом углу могли достать до середины Оплота. На всех вышках и шпилях висели черные знамена Вебберов с серебряной паутиной и пятнистым пауком на ней.

— Сер, — сказал Эг, — смотрите, куда вода бежит.

Канавы под восточной стеной впадала в ров, от которого замок получил свое название. Услышав журчание воды, Дунк скрипнул зубами. *«Эта женщина не получит мою клетчатую воду».*

— Едем, — сказал он Эгу.

На своде главных ворот под черными знаменами виднелась глубоко врезанная в камень эмблема. За долгие века она выветрилась, но видно было, что это стоящий на задних лапах лев, составленный из отдельных квадратов. Проезжая по мосту в открытые ворота, Дунк оценил глубину рва. *«Шесть футов, не меньше».*

Двое стражников с копьями преградили им путь — один с большой черной бородой, другой безбородый. Бородач осведомился, зачем они здесь.

— Господин Острей из Оплота прислал меня для переговоров с леди Веббер, — ответил Дунк. — Меня зовут сер Дункан Высокий.

— Да уж ясно, что не Беннис, — сказал безбородый. — Его бы мы издали учуяли. — Во рту у него недоставало зуба, на груди был нашит пятнистый паук.

Бородач подозрительно шурился, глядя на Дунка.

— Ее светлость нельзя видеть без разрешения Длинного Дюйма. Ступайте за мной, а ваш конюх останется при лошадях.

— Я оруженосец, а не конюх, — заявил Эг. — Ты слепой или просто дурак?

Безбородый заржал, бородач приставил копьё к горлу Эга:

— А ну, повтори еще раз.

Дунк дал Эгу в ухо.

— Закрой свой рот и займись лошадьми. — Он спешился. — Пойду повидаюсь с сером Лукасом.

Бородач опустил копьё.

— Он во дворе.

Под заостренной подъемной решеткой они прошли во внешний двор. Собаки лаяли в конурах, из семистенной септы с цветными окнами слышалось пение. Кузнец у своей мастерской подковывал боевого коня, ему помогал подмастерье. Оруженосец стрелял по мишеням из лука. Веснушчатая девушка с длинной косой занималась тем же, и у нее получалось ничуть не хуже. Тут же вращалась кинтана, и несколько рыцарей в стеганых подлатниках атаковали ее.

Сера Лукаса Инчфилда они нашли в числе зрителей, наблюдавших за кинтаной. Он разговаривал с септоном, толстым и круглым, как бочка. Потел этот септон еще больше, чем Дунк — можно было подумать, он выкупался прямо в одежде. Инчфилд рядом с ним мог сойти за копьё — очень длинное копьё, но все-таки ниже Дунка. *«Шесть футов семь дюймов, — прикинул Дунк, — и каждый дюйм заносчивее предыдущего»*. Разряженный в черный шелк и серебряную парчу, сер Лукас тем не менее выглядел таким свежим, будто только что слез со Стены.

— Милорд, — обратился к нему часовой, — вот этот явился из курятника и желает видеть ее светлость.

Септон обернулся первый, с радостным возгласом — это заставило Дунка заподозрить, что он пьян.

— Это кто же такой? Межевой рыцарь? У вас в Просторе межи длинные. — Септон осенил Дунка благословением. — Да будет Воин на твоей

стороне. Я септон Сефтон. Неудачное имя, но что делать. А вас как зовут?

— Сер Дункан Высокий.

— Похвальная скромность, — заметил септон, обращаясь к серу Лукасу. — Будь я такого же роста, я именовал бы себя сер Сефтон Огромный, сер Сефтон Башня, сер Сефтон Заоблачный. — Его круглая физиономия покраснелась, на рясе остались винные пятна.

Сер Лукас разглядывал Дунка. На вид Инчфилду было не менее сорока, а то и все пятьдесят. Скорее жилистый, чем мускулистый, он поражал своим безобразием. Губы толстые, за ними частокол кривых желтых зубов, нос мясистый, глаза навывкате. Дунк почувствовал, что Лукас зол, еще раньше, чем тот промолвил:

— Межевые рыцари — в лучшем случае вооруженные попрошайки, в худшем разбойники. Ступай прочь. Здесь такие, как ты, не нужны.

Дунк помрачнел.

— Сер Юстас Осгрей из Оплота прислал меня для переговоров с хозяйкой замка.

— Осгрей? — Септон взглянул на Длинного Дюйма. — Клетчатый лев? Я думал, дом Осгрей вымер.

— Можно и так сказать. Кроме старика, никого не осталось. Мы позволяем ему занимать полуразрушенную башню в нескольких лигах к востоку. Если сер Юстас желает говорить с ее светлостью, пусть приезжает сам, — бросил Длинный Дюйм Дунку. — Ты был с Беннисом у плотины, — его глаза сузились, — не трудись отрицать. Мне следовало бы повесить тебя.

— Да сохранят нас Семеро. — Септон вытер мокрый лоб рукавом. — Так он разбойник? Да еще такой громадный. Покайтесь, сер, и Мать помилует вас. — Тут септон пукнул, и это свело на нет его благочестивые речи. — Ох, простите. Вот что бывает от бобов и ячменного хлеба.

— Я не разбойник, — ответил Дунк им обоим со всем достоинством, на какое был способен, но Длинного Дюйма это не тронуло.

— Не испытывайте моего терпения, сер... если вы действительно рыцарь. Бегите назад в свой курятник и скажите серу Юстасу, чтобы он выдал нам сера Бенниса Вонючего. Если он избавит нас от хлопот изымать одного рыцаря из Оплота, миледи, возможно, проявит некоторое милосердие.

— Я сам поговорю с миледи. О сере Беннисе, о стычке у плотины и о покраже нашей воды.

— О покраже? Попробуй заикнуться об этом, и окажешься во рву еще до заката. Ты уверен, что хочешь с ней говорить?

В одном Дунк был крепко уверен: ему очень хотелось заехать кулаком в желтые зубы Длинного Дюйма.

— Я вам уже сказал.

— Да пусть себе говорит, — вмешался септон. — Какой от этого вред? Бедный сер Дункан проделал такой долгий путь под палящим солнцем — пусть скажет то, что хотел.

Лукас снова окинул Дунка взглядом.

— Прислушаемся к служителю богов. Пойдем, и сделай милость — будь краток. — Он зашагал через двор, и Дунку поневоле пришлось его догонять.

Двери септы в это время отворились, и оттуда стали выходить богомольцы — рыцари, оруженосцы, с дюжину ребятишек, несколько стариков, три септы в белых одеждах... и одна грузная благородная дама в синем дамастовом платье с миррийским кружевом, таком длинном, что подол волочился по земле. Дунк дал ей лет сорок. Под серебряной сеткой лежали высоко взбитые рыжие волосы, но даже они уступали яркостью красному лицу.

— Миледи, — сказал сер Лукас, — вот этот межевой рыцарь заявляет, что приехал от сера Юстаса Осгрея. Угодно вам будет его выслушать?

— Если вы того хотите, сер Лукас. — Она так воззрилась на Дунка, что ему невольно вспомнились разговоры Эга о колдовстве. *«Непохоже, однако, чтобы она купалась в крови ради сохранения красоты»*. Толстая,

приземистая, и голова у нее как редька — даже прическа этого не скрывает. Нос слишком велик, рот чересчур мал. Оба глаза, к счастью, на месте — но Дунку сделалось не до комплиментов.

— Сер Юстас поручил мне поговорить с вами о недавнем происшествии у вашей плотины.

— У плотины? — заморгала она.

Вокруг них собирался народ, и Дунк чувствовал на себе недружелюбные взгляды.

— На Клетчатом ручье. Ваша светлость построили там плотину...

— Да нет же. Я все утро посвятила молитвам, сер.

Дунк заметил, что сер Лукас посмеивается, но продолжил:

— Я не хотел сказать, что вы построили ее самолично, но... без воды у нас весь урожай погибнет, и ячмень, и дыни...

— Дыни? — заулыбалась она. — Я люблю дыни. Какого они сорта?

Дунк обвел взглядом собравшуюся толпу, и ему стало еще жарче. *«Что-то тут не то. Длинный Дюйм из меня дурака делает».*

— Миледи... быть может, мы поговорим с глазу на глаз?

— Ставлю оленя, он переспать с ней хочет, орясина! — гаркнул кто-то, и все покатались со смеху. Дама, испуганно попятившись, закрыла руками лицо, и одна из септ обняла ее за плечи.

— Что тут за веселье? — произнес звонкий и твердый голос. — Кто-то, кажется, изволит шутить? Зачем вы докучаете моей родственнице, сер рыцарь?

Голос принадлежал девушке, которую Дунк видел у мишеней для лучников. На бедре у нее висел колчан, а в руке она держала длинный лук — слишком большой для такой невысокой девушки. Если Дунку недоставало дюйма до семи футов, то ей недоставало дюйма до пяти. Ее талию он мог бы обхватить ладонями. Рыжая коса опускалась почти до колен. Дунк смотрел сверху вниз на вздернутый нос, подбородок с ямочкой и легкую россыпь веснушек.

— Простите великодушно, леди Роанна, — сказал миловидный молодой лорд с кентавром Касвеллов на дублете. — Этот олух принял леди Хелисенту за вас.

— Так это вы — Красная Вдова? — брякнул Дунк, переводя взгляд с одной на другую. — Но вы так...

— Так молода? — Девушка перебросила лук долговязому парню, с которым стреляла по мишеням. — Мне двадцать пять, говоря откровенно. Или вы хотели сказать «так малы»?

— Так прекрасны. — Дунк сам не знал, откуда это взялось, но радовался, что оно подвернулось вовремя. Ему нравился ее носик, и ее светло-рыжие волосы, и маленькие, но хорошо вылепленные груди под кожаным колетом. — Я думал, что... то есть мне говорили, что вы уже четырежды овдовели, и я...

— Мой первый муж умер, когда мне было десять, а ему двенадцать. Он был оруженосцем моего отца и пал на Краснотравном поле. Боюсь, что мои мужья долго на свете не заживаются. Последний умер по весне.

Так говорили обо всех, кто умер два года назад от весенней хвори: он умер по весне. Поветрие унесло десятки тысяч человек, в том числе мудрого старого короля и двух молодых, подававших большие надежды принцев.

— Я... соболезную вам, миледи. — *«Комплименты, чурбан, переходи к комплиментам!»* — Ваше платье...

— Платье? — Она окинула взглядом свои сапоги, бриджи, просторную полотняную рубаху и колет. — Но на мне нет платья.

— Я хотел сказать, ваши волосы... они такие мягкие и...

— Почему вы знаете, сер? Если бы вы трогали мои волосы, я бы это запомнила.

— То есть не мягкие, а рыж... огненные, — в отчаянии промямлил Дунк. — Они просто пылают.

— Надеюсь, все же не так, как ваше лицо. — Она рассмеялась, и все собравшиеся подхватили ее смех.

Все, кроме сера Лукаса Длинного Дюйма.

— Миледи, — сказал он, — этот человек из наемников Осгрея. Это он вместе с Беннисом напал на наших землекопов у дамбы, когда ранили Уолмера. Старый Осгрей прислал его для переговоров.

— Точно так, миледи. Меня зовут сер Дункан Высокий.

— Скорее уж Недалекий, — вставил бородатый рыцарь с разветвленной молнией Лейгудов. Смех возобновился, и даже леди Хелисента хихикнула, оправившись от испуга.

— Неужели учтивые манеры в Холодном Рву умерли вместе с моим лордом-отцом? — холодно молвила девушка. *«Нет, не девушка, а взрослая женщина»*. — Хотела бы я знать, как мог сер Дункан так ошибиться?

Дунк злобно глянул на сера Лукаса.

— Вина целиком моя.

— Так ли? — Вдова оглядела Дунка с головы до ног, задержав взгляд на груди. — Дерево и летящая звезда. Этот герб я вижу впервые. — Она провела двумя пальцами по ветке вяза на тунике у Дунка. — И он не вышит, а нарисован. Я слышала, что так раскрашивают шелка в Дорне, но вы слишком велики для дорнийца.

— Не все дорнийцы маленькие, миледи. — Дунк чувствовал ее пальцы сквозь шелк. На руке у нее тоже веснушки. *«И по всему телу, наверное»*. У Дунка внезапно стало сухо во рту. — Я провел в Дорне год.

— Там все дубы такие высокие? — спросила она, проведя пальцами по ветвям дерева у его сердца.

— Это, собственно, вяз, миледи.

— Хорошо, я запомню. — Она убрала руку. — Во дворе слишком пыльно и жарко для разговора. Проводи сера Дункана в мою приемную палату, септон.

— С удовольствием, сестрица.

— Наш гость, думаю, хочет пить — вели заодно принести вина.

— Вина? — просиял толстяк. — Ну, раз вы того желаете.

— Я приду, как только переоденусь. — Она расстегнула пояс с колчаном и отдала своему спутнику. — Пусть мейстер Серрик тоже придет. Пришлите его, сер Лукас.

— Я приведу его тотчас же, миледи, — заверил Длинный Дюйм.

Она одарила своего кастеляна холодным взглядом.

— Нет нужды. Я знаю, как много у вас дел в замке. Довольно будет, если вы пришлете мейстера ко мне в комнаты.

— Миледи, — сказал Дунк ей вслед, — я оставил своего оруженосца за воротами. Можно ли ему пойти с нами?

— Оруженосца? — Улыбаясь, она из двадцатипятилетней женщины превращалась в пятнадцатилетнюю девушку. *«И очень красивую девушку, полную задора и смеха»*. — Разумеется, если вы так желаете.

* * *

— Не пейте вина, сер, — прошипел Эг, пока они ждали в приемной вместе с септоном. Каменный пол устилал душистый тростник, на стенах висели гобелены с турнирными и батальными сценами.

Дунк фыркнул и прошептал в ответ:

— Очень ей надо меня отравлять. Она думает, что я олух с овсянкой вместо мозгов, ручаюсь.

— Сестрица любит овсянку, — заметил на это септон, возникнув словно из-под земли с кувшином вина, кувшином воды и тремя чашами. — Да-да, я слышал. Я хоть и толст, но не глух. — Он налил себе и Дунку вина, а Эгу воды, но мальчик подозрительно оглядел чашу и тут же отстранил ее. Септон продолжил, не обращая на это внимания. — Вино арборское, с тонким букетом, а яд придает ему особую пикантность. — Он подмигнул Эгу. — Сам я, конечно, не пробовал, но мне говорили.

Дунк осторожно отведал вина, сладкого и очень приятного, но лишь тогда, когда септон, причмокивая, наполовину опорожнил свою чашу. Эг скрестил руки на груди, упорно отказываясь пить.

— Овсянка ей в самом деле нравится — и вы тоже, сер. Уж я-то сестрицу знаю. Увидев вас во дворе, я возымел надежду, что вы — поклонник миледи и приехали из Королевской Гавани искать ее руки.

— Как вы узнали, что я родом из Королевской Гавани? — нахмурился Дунк.

— У гаванских выговор особый. — Септон поболтал вино во рту, проглотил и вздохнул от удовольствия. — Я много лет прослужил при верховном септоне в Великой септе Бейлора. Вы не узнали бы город после минувшей весны, — сказал он со вздохом. — Одни кварталы выгорели, другие стоят пустые. Даже крыс не стало, вот странность какая. Мыслимо ли, чтобы в городе не было крыс?

Дунк уже слышал об этом.

— Вы были в городе во время поветрия?

— Был, был. Страшное время, сер, страшное. Сильные мужчины утром вставали здоровые, а к вечеру умирали. Люди мерли в таком множестве и с такой быстротой, что их не успевали хоронить и вместо этого сваливали в Драконьем Логове. Когда груда тел достигала высоты десяти футов, лорд Риверс приказывал пиромантам сжечь их. Огонь полыхал за окнами, как в те времена, когда под куполом еще жили драконы. Ночью зеленое зарево дикого огня было видно со всех концов города — я до сих пор не могу видеть зеленый цвет. Говорят, что болезнь косила народ и в Ланниспорте, и в Староместе, но в Королевской Гавани она унесла четырех из каждых десяти человек, не щадя ни молодых, ни старых, ни богатых, ни бедных, ни великих, ни малых. Скончался наш добрый верховный септон, голос богов на земле, а с ним ушла треть Праведных и почти все Молчаливые Сестры. Его величество король Дейрон, славный Матарис, храбрый Валарр, десница... скорбный перечень. К концу мора половина города молилась Неведомому. — Сефтон выпил еще и спросил: — А вы где были в ту пору, сер?

— В Дорне.

— Поблагодарите за это милосердную Матерь. — В Дорн весенняя хворь так и не пришла — потому, возможно, что дорнийцы закрыли свои порты и границы. Аррены в Долине сделали то же самое, и их зараза тоже не тронула. — Все эти разговоры о смерти способны отвратить человека от вина, но и радоваться в наше время тоже особенно нечему. Засуха продолжается, несмотря на все наши молитвы. В Королевском лесу бушуют пожары. Жгучий Клинок и сыновья Деймона Блэкфайра из династии Черного Пламени замышляют недоброе в Тироше, кракены Дагона Грейджоя рыщут по Закатному морю, как волки, и добрались со своими грабежами до самого Арбора. Они захватили половину богатств Светлого острова и сотню женщин. Лорд Фармен укрепляет оборону — ни дать ни взять отец, который надевает на свою дочь пояс целомудрия, когда у нее живот уже на нос лезет, как у меня. Лорд Бракен медленно угасает на Трезубце, а старший его сын умер по весне. Стало быть, лордом станет сер Ото, а Блэквуды ни за что не потерпят Бракенского Зверя у себя по соседству, и будет война.

Дунк знал о старинной вражде между Блэквудами и Бракенами.

— Может быть, их сюзерен вынудит их сохранить мир?

— Увы. Лорд Талли — мальчик восьми лет, окруженный женщинами.

От Риверрана многого ждать не приходится, а от короля Эйриса — и по-давно. Вряд ли эта распря удостоится его высочайшего внимания, если только какой-нибудь мейстер не напишет книгу о ней. Лорд Риверс к нему никого из Бракенов не подпустит. Вы же помните — наш десница наполовину Блэквуд. Если он и пошевелится, то лишь для того, чтобы помочь своей родне укротить Зверя. Небесная Матерь пометила лорда Риверса при рождении, а Жгучий Клинок на Краснотравном поле добавил свою отметину.

Септон говорил о Кровавом Вороне. Настоящее имя десницы — Бринден Риверс. Его мать происходила из дома Блэквудов, а отцом был король Эйгон Четвертый.

— Что до Эйриса, — продолжал, не забывая о вине, септон, — то его величество больше занят пыльными свитками и древними пророчествами, чем своими лордами и законами. Он не дает себе труда даже зачать наследника. Королева Эйлинор каждый день молится в Великой септе, чтобы Матерь благословила ее чрево, но до сих пор остается девственницей. У Эйриса отдельные покои, и говорят, что он куда охотнее ложится в постель с книгой, нежели с женщиной. — Он снова наполнил свою чашу. — Будьте уверены: нами правит лорд Риверс с помощью своих чар и шпионов. Противников у него нет. Принц Мейкар сидит и дуется в Летнем замке, лелея обиду на своего венценосного брата, принц Рейгаль слаб и телом, и разумом, а его дети еще малы. Все должности заняты друзьями и фаворитами лорда Риверса, лорды малого совета лижут ему руки, новый верховный мейстер увлечен чародейством не меньше, чем он. Гарнизон Красного замка составляют Вороньи Зубы, и без позволения десницы никто не имеет доступа к королю.

Дунк беспокойно ерзал на стуле. *«Сколько глаз у Кровавого Ворона? Тысяча и еще один»*. Остается надеяться, что ушей у десницы меньше тысячи и одного. Речи септона отдавали изменой. Дунк взглянул на Эга, любопытствуя знать, что об этом думает он. Мальчишка из последних сил сдерживался, чтобы не дать воли языку.

Септон грузно поднялся на ноги.

— Сестрица придет еще не скоро. С дамами всегда так — первые десять платьев, что они примеряют, не вяжутся с их настроением. Еще вина? — И он, не дожидаясь ответа, подлил в обе чаши.

— Дама, которую я принял за леди Веббер, ваша сестра? — спросил Дунк, желая переменить разговор.

— Мы все дети Семерых, это так, но по крови, к счастью, мы не родственники. Леди Хелисента была сестрой сера Роланда Афферинга, четвертого мужа леди Роанны — того, что умер по весне. Его предшественником был сер Саймон Стаунтон, мой брат — он имел несчастье подавиться куриной костью. Холодный Ров, можно сказать, кишит призра-

ками. Мужья умирают, но их родня остается — они, точно стая пухлой, розовой, одетой в шелка саранчи, пьют вина миледи и поедают ее сласти. — Септон вытер рот. — Однако ей придется выйти замуж опять, и скоро.

— Почему придется?

— Такова воля ее лорда-отца. Лорд Виман очень хотел внуков, которые продолжили бы его род. Когда он слег, то попытался выдать ее за Длинного Дюйма — хотел, умирая, оставить ее под защитой сильного человека, — но Роанна не пожелала. Его светлость отомстил ей, указав в завещании, что буде она до второй годовщины его смерти останется незамужней, Холодный Ров со всеми землями отойдет к его кузену Венделу. Вы, возможно, видели его во дворе — коротышка с зобом, страдающий газами. Хотя с моей стороны нехорошо так говорить, ибо я сам подвержен тому же пороку. Сер Вендел — человек алчный и глупый, но жена его приходится сестрой лорду Ровану и дьявольски плодовита, этого у нее не отнять. Она щенится не менее часто, чем он пускает ветры. Сыновья у них все в него, дочери и того хуже, и все они загивают пальцы, считая дни. Лорд Рован утвердил завещание, и миледи осталось сроку до новой луны.

— Зачем же она ждала так долго? — с недоумением спросил Дунк.

— Женихи ее, по правде сказать, не осаждают, — пожал плечами септон. — Смотреть на нее, как вы заметили, отнюдь не противно, а в придачу дается замок и обширные земли — следовало бы ожидать, что младшие сыновья и безземельные рыцари так на нее и накинутся, а нет. Четверо усопших мужей всех отпугивают, к тому же поговаривают, что она бесплодна — у нее за спиной, конечно, кому же охота оказаться в вороньей клетке. Двух детей она доносила, мальчика и девочку, но оба и до года не дожили. А те немногие, кого не пугает молва об отравительстве и злых чарах, не хотят иметь дела с Длинным Дюймом. Лорд Виман на смертном одре поручил ему охранять дочь от недостойных искателей, а он всех женихов подводит под эту статью. Всякий, кто ищет ее

руки, первым делом знакомится с его мечом. — Септон допил вино и отставил чашу. — Нельзя сказать, чтобы охотников совсем уж не находилось. Клейтон Касвелл и Саймон Лейгуд — самые упорные, хотя зарятся, похоже, больше на земли, чем на саму леди. Будь я игроком, то поставил бы на Герольда Ланнистера. Сюда он еще не показывался, но говорят, что волосы у него золотые, ум быстрый, а рост больше шести футов...

— ...и что его письма пришлись по сердцу леди Веббер. — Упомянутая леди появилась в дверях, сопровождаемая молодым мастером с большим крючковатым носом. — Ты проиграл бы свою ставку, братец. Герольд нипочем не окажется от удовольствий Ланниспорта и роскоши Утеса Кастерли ради какого-то маленького именища. В качестве брата и советника лорда Тибольта он имеет куда больше влияния, чем мог бы обрести как мой муж. Что до других, то серу Саймону пришлось бы распродать половину моих земель, чтобы расквитаться с долгами, а сер Клейтон дрожит как лист, стоит только Длинному Дюйму посмотреть в его сторону. Кроме того, он красивее меня. А у тебя, септон, самый длинный язык во всем Вестеросе.

— Язык и должен быть длинным, а рот большим, чтоб прокормить такой живот, как у меня, — не смутился септон.

— Вы в самом деле Красная Вдова? — удивленно спросил Эг. — Я почти с вас ростом!

— С полгода назад один мальчик сделал такое же замечание, и я отравила его на дыбу, чтоб стал подлиннее. — Леди Веббер заняла высокое сиденье на помосте и перекинула косу через левое плечо. Пушистый хвостик свернулся у нее на коленях, как спящая кошка. — Сер Дункан, мне не следовало дразнить вас, когда вы так старались быть любезным там, во дворе. Но вы так мило краснели... разве в той деревне, где вы выросли до такой вышины, девушки вас не дразнили?

— Моей деревней была Королевская Гавань. — О Bloшином Дне Дунк умолчал. — Там, конечно, имелись девушки, но... — Дразнилки на

Блошином Дне были такого рода, что тебе могли отхватить палец на ноге.

— Должно быть, они просто побаивались это делать — вон вы какой большой. — Рука леди Роанны рассеянно гладила косу. — Прошу вас не думать худо о леди Хелисенте. Моя сестрица проста, но совершенно безобидна. При всем своем благочестии она даже одеться не смогла бы без своих септ.

— Она не виновата. Это я обознался.

— Какая благородная ложь. Я знаю, что это подстроил сер Лукас. Его шутки бывают жестокими, а вы нанесли ему оскорбление одним своим видом.

— Как так? Я ему ничего плохого не сделал...

Ее улыбка заставила Дунка пожелать, чтобы она не была такой красивой.

— Я видела вас рядом. Вы на целую ладонь выше, а сер Лукас давно не встречал человека, на которого не мог бы глядеть свысока. Сколько вам лет, сер?

— Около двадцати, миледи. — Дунку нравилось, как это звучит, «около двадцати», хотя он был на год или два моложе. Никто не знал его возраста в точности, а он и подавно. Родители у него, надо думать, были, как у всякого человека, но он сроду в глаза их не видел, даже имен их не слышал, а на Блошином Дне никому дела не было до того, когда и от кого он родился.

— Так ли вы сильны, как кажетесь с виду?

— Насколько же сильным я кажусь, миледи?

— Достаточно сильным, чтобы вызвать раздражение сера Лукаса. Он мой кастелян, хотя назначала его не я. Он достался мне в наследство вместе с Холодным Рвом. Вас посвятили в рыцари на поле брани, сер Дункан? Простите мне эти слова, но ваша речь доказывает, что вы происходите не из благородного дома.

«Я происхожу из канавы».

— Межевой рыцарь сер Арлан из Пеннитри взял меня к себе в оруженосцы, когда я был совсем еще мал, обучил меня правилам чести и боевым навыкам.

— И он же сделал вас рыцарем?

Дунк пошаркал ногами. Шнуровка на одном сапоге распустилась.

— Больше некому было.

— Где он теперь, сер Арлан?

— Умер. — Дунк поднял глаза, решив завязать сапог после. — Я похоронил его на склоне холма.

— Он пал в бою?

— Да нет, простуду схватил. Из-за дождей.

— Старики все болеют. Мне это известно по второму мужу. Мы поженились, когда мне было тринадцать, а ему бы исполнилось пятьдесят пять, доживи он до следующих именин. Когда он уже полгода лежал в земле, я родила сына, но Неведомый прибрал и его. Септоны сказали, что отец потребовал сына к себе. Как вы думаете, сер, это правда?

— Может, и так, миледи, — неуверенно ответил Дунк.

— Вздор. Просто мальчик родился слабеньким. Такой крошка — у него едва хватало силенок, чтобы сосать. Но его отцу боги даровали целых пятьдесят пять лет — могли бы и сыну дать чуть больше трех дней.

— Да, наверно, могли бы. — В том, что касалось богов, Дунк ничего не смыслил. Он иногда ходил в септу и молился Воину, чтобы тот дал силу его руке, но большей частью оставлял Семерых в покое.

— Я сожалею о смерти вашего сера Арлана, — сказала леди Роанна, — и еще больше сожалею о том, что вы служите у сера Юстаса. Не все старики одинаковы, сер Дункан. Лучше вы бы вернулись домой, в Пеннитри.

— Мой дом там, где я приношу присягу. — Дунк в глаза Пеннитри не видел и даже не знал, где оно находится — в Просторе или где-то еще.

— Так принесите ее здесь. Времена нынче неверные, и рыцари мне нужны. У вас должен быть хороший аппетит, сер Дункан — на одной ку-

рятине вам долго не протянуть. В Холодном Рву вы не будете знать недостатка в настоящем мясе и сладких пирогах. Оруженосца вашего тоже не мешало бы подкормить — у него от недоедания все волосы выпали. Жить он будет с другими мальчиками, своими сверстниками. Ему понравится. Мой мастер над оружием обучит его всем воинским искусствам.

— Я сам его обучаю, — робко возразил Дунк.

— А еще кто? Беннис? Старый Острей? Ваши несущки?

Дунк действительно одно время заставлял Эга гоняться за курами, чтобы развить в нем быстроту, — но если бы он в этом сознался, Роанна посмеялась бы над ним. Ее вздернутый носик и веснушки мешали ему сосредоточиться. Пришлось напомнить себе, для чего сер Юстас послал его сюда.

— Я присягнул господину Острей, миледи, и этого уже не изменишь.

— Будь по-вашему, сер. Поговорим о менее приятных вещах. — Вдова дернула себя за косу. — Мы не потерпим, чтобы на Холодный Ров или наших людей нападали. Почему бы мне не зашить вас в мешок?

— Я приехал для переговоров, — напомнил Дунк, — и пил ваше вино. — Вкус еще держался у него во рту, и признаков яда он пока не чувствовал. Возможно, как раз вино и придало ему смелости. — Да и мешка, чтобы я в него поместился, у вас не найдется.

Придуманная Эгом шутка вызвала у Роанны улыбку, и Дунк испытал облегчение.

— Зато для Бенниса найдется вполне. Мейстер Серрик говорит, что он раскроил Уолмеру лицо до кости.

— Сер Беннис просто из себя вышел. Сер Юстас поручил мне уплатить кровавую цену.

— Кровавую цену? — засмеялась она. — Я знаю, что он стар, но не настолько же. Уж не думает ли он, что мы живем в Век Героев, когда жизнь человека ценилась не дороже мешка с серебром?

— Ваш человек не умер, миледи, — напомнил Дунк. — Ничего страшного не случилось. Он получил рану, только и всего.

Роанна неторопливо перебирала пальцами косу.

— И во сколько же оценил сер Юстас нанесенную Уолмеру рану?

— Один серебряный олень ему и три вам, миледи.

— Дешево же сер Юстас ценит мою честь — хотя три оленя, бесспорно, лучше, чем три курицы. Лучше бы он доставил Бенниса ко мне для наказания.

— Наказание — это мешок, о котором вы говорили?

— Быть может. — Она обмотала косу вокруг руки. — Пусть Огрей оставит при себе свое серебро. За кровь можно уплатить только кровью.

— Может, оно и так, миледи, но не лучше ли позвать сюда того землекопа и спросить, не предпочтет ли он оленя Беннису в мешке?

— Он, без сомнения, выберет серебро, если не сможет иметь и то и другое. Но выбирать будет не он. Это дело о льве и пауке, а не о крестьянине, которому поцарапали щеку. Мне нужен Беннис, и я его получу. Никто не смеет вторгаться на мои земли, чинить зло моим людям и уходить как ни в чем не бывало.

— Вы тоже вторглись на землю Оплота, миледи, и причинили большое зло одному из людей сера Юстаса, — выпалил Дунк, не успев обдумать свои слова.

— Разве? — Она снова подергала себя за косу. — Если вы об овцекраде, то мое терпение истощилось. Я дважды жаловалась на него Огрею, но тот не принял никаких мер. Просить трижды не в моих правилах, и королевский закон дает мне право заточать и казнить.

Тут в разговор вступил Эг.

— Только в своих владениях, — заявил он. — Король дает лордам право заточать и казнить на своих землях, не на чужих.

— Если ты такой ученый, — сказала Роанна, — то должен знать также, что ленные рыцари не имеют права наказывать кого бы то ни было без разрешения своего сюзерена. Сер Юстас живет под властью лорда

Рована. Беннис нарушил мир в королевстве, пролив кровь, и должен ответить за это. Если сер Юстас пришлет его сюда, я сделаю ему на носу зарубку, и конец делу. Если мне придется ехать за ним самой, я не обещаю ограничиться этим.

Дунк ощутил дурноту под ложечкой.

— Я скажу ему, но он сера Бенниса не отдаст. — Он помедлил. — Все это вышло из-за плотины. Если ваша светлость согласится ее снести...

— Это невозможно, — подал голос молодой мейстер. — У Холодного Рва крестьян в двадцать раз больше, чем у Оплота. Пшеница, кукуруза и ячмень ее светлости гибнут от засухи. В ее садах растут яблоки, абрикосы и три сорта груш. У нее много стельных коров, пятьсот голов черных овец и лучшие в Просторе лошади. Около дюжины кобыл вот-вот ожеребятся.

— У сера Юстаса тоже есть овцы, — сказал Дунк. — А также дыни, бобы, ячмень...

— Вы отводите воду в ров! — громко произнес Эг.

«Я ведь к этому и вел», — подумал Дунк.

— Ров необходим для обороны замка, — не сдавался мейстер. — Вы хотите, чтобы леди Роанна осталась без всякой защиты в столь смутные времена?

— Сухой ров все равно остается рвом, — медленно проговорил Дунк. — У миледи толстые стены и достаточно здоровых мужчин, чтобы защищать их.

— Сер Дункан, — сказала Роанна, — мне было десять лет, когда восстал черный дракон. Я просила отца побережь себя или хотя бы оставить со мной мужа. Кто защитит меня, спрашивала я, если обоих моих мужчин не станет? Тогда отец взошел со мной на крепостную стену и показал мне сильные стороны Холодного Рва. «Вот что тебя защитит, — сказал он. — Позаботься о своей обороне, и никто не причинит тебе зла». Первое, на что он указал, был ров. — Она провела хвостом косы по щеке. — Первый мой муж погиб на Краснотравном поле. Отец находил

мне других, но Неведомый забирал их одного за другим. Я не верю больше в мужчин, какими бы здоровыми они ни были. Я верю в камень, сталь и воду. Верю во рвы, сер, и мой никогда не будет сухим.

— Ваш отец судил здраво, — сказал Дунк, — но это не дает вам права забирать воду Огреев.

Она дернула себя за косу.

— Сер Юстас, должно быть, сказал вам, что ручей — его собственность.

— Вот уже тысячу лет. Он даже зовется Клетчатый — это же ясно.

— Да. — Ее рука теребила косу без передышки. — А река зовется Мандером, хотя Мандерли вот уже тысячу лет как прогнали с ее берегов. Хайгарден до сих пор Хайгарден, хотя последний из Гарденеров погиб на Пламенном Поле. В Утесе Кастерли не сыскать ни одного Кастерли — одни Ланнистеры. Мир меняется, сер. Клетчатый ручей берет начало в Подковных холмах, а она, насколько мне известно, моя. И вода тоже моя. Докажите ему, мейстер Серрик.

Мейстер сошел с помоста. Немногим старше Дунка, он в своем сером одеянии и с цепью на шее казался мудрым не по годам. В руках он держал пергамент.

— Смотрите сами, сер. — Он развернул свиток и подал Дунку.

«Дунк-чурбан, темный как погреб». Кровь снова бросилась ему в лицо. Он осторожно взял пергамент у мейстера и хмуро уставился на него, не разбирая ни слова. Восковую печать, однако, он знал хорошо — трехглавый дракон дома Таргариенов. «Королевская». У него в руках какой-то королевский указ. Дунк поводил глазами по строчкам, чтобы все думали, будто он читает.

— Тут есть одно слово, которого я не могу разобрать, — пробубнил он. — Взгляни, Эг, у тебя глаз острее.

Мальчик мигом шмыгнул к нему.

— Что за слово, сер? Вот это? — Эг быстро пробежал грамоту, поднял глаза на Дунка и чуть заметно кивнул.

«Ручей ее, про это и грамота писана. — Дунка точно в живот двинули. — И печать самого короля».

— Тут, должно быть, ошибка... Все сыновья старого рыцаря отдали жизнь за короля, по какой причине его величеству отбирать у него ручей?

— Будь король Дейрон менее склонен к прощению, ваш старик и голову бы потерял.

— Как так? — растерялся Дунк.

— Миледи хочет сказать, — вмешался мейстер, — что сер Юстас Осгрей — мятежник, изменивший своему королю.

— Сер Юстас выбрал черного дракона в надежде, что Черное Пламя вернет его дому земли и замки, которых они лишились при Таргариенах, — сказала Роанна. — Особенно он хотел заграбастать Холодный Ров. Сыновья поплатились жизнью за измену отца. Когда он привез их кости домой, а дочь отдал людям короля как заложницу, жена его бросилась вниз с башни Оплота. Разве сер Юстас вам не рассказывал? — грустно улыбнулась она. — Вижу, что нет.

— Черный дракон... — *«Ты присягнул изменнику, чурбан этакий. Ты ел хлеб предателя и спал под кровом мятежника».* — Но миледи, — Дунк подыскивал слова, — ведь тому уже пятнадцать лет... и у нас засуха. Хоть сер Юстас и был когда-то мятежником, вода ему все равно нужна.

Красная Вдова встала и оправила юбки.

— Так пусть помолится о дожде.

Дунк вспомнил то, что старик сказал ему в лесу перед тем, как расстаться.

— Если вы не хотите поделиться водой ради него самого, сделайте это ради его сына.

— Сына?

— Да. Ради Аддама. Он служил у вашего отца пажом и оруженосцем.

— Подойдите, — с каменным лицом приказала леди Роанна.

Дунк, не зная, как быть, повиновался. Помост делал ее на добрый фут выше, но Дунк все равно возвышался над ней.

— Преклоните колени.

Он опять подчинился, и Роанна закатила ему пощечину, вложив в это всю свою силу — а она была сильнее, чем казалась на вид. Щека у него запылала, и он ощутил вкус крови из разбитой губы, но настоящей боли она ему не причинила. Какой-то миг Дунку очень хотелось схватить ее за рыжую косу, перекинуть через колено и отшлепать, как нашкодившего ребенка. *«Так ведь кричать будет — сбегутся двадцать рыцарей и прикончат его».*

— Вы посмели приплести сюда Аддама? — Ее ноздри раздулись. — Убирайтесь вон из Холодного Рва! Сейчас же.

— Но я не хотел...

— Ступайте, не то я подыщу для вас мешок, хотя бы мне пришлось самой его сшить. Скажите серу Юстасу, чтобы завтра же доставил сюда Бенниса Бурый Щит, иначе я сама явлюсь за ним с огнем и мечом. Вы меня поняли? С огнем и мечом!

Септон Сефтон взял Дунка под руку и потащил к двери. Эг поспешил за ними.

— Неразумно, сер, очень неразумно, — шептал септон, увлекая Дунка вниз по лестнице. — Зачем вы упомянули Аддама Острея?

— Сер Юстас сказал, что она питала к нему привязанность.

— Привязанность? — тяжело пропыхтел септон. — Она любила этого мальчика, а он ее. Дальше пары поцелуев дело не пошло, но это Аддама она оплакивала после Краснотравного поля, а не мужа, которого едва знала. В его смерти она винит сера Юстаса, и это понятно — ведь Аддаму было всего двенадцать.

Дунк знал, что такое душевная рана. Стоило кому-нибудь упомянуть Эшфордский луг, он вспоминал о трех добрых людях, погибших, чтобы спасти его от наказания, и каждый раз терзался.

— Скажите миледи, что я не хотел причинить ей боль. Я прошу у нее прощения.

— Сделаю, что смогу, сер, но уговорите сера Юстаса привезти к ней Бенниса, да поскорее. Иначе ему придется плохо, очень плохо.

* * *

Лишь когда стены и башни Холодного Рва скрылись из виду, Дунк спросил Эга:

— Что там было написано, в той грамоте?

— Король жалует лорда Вимана Веббера за его верную службу во время последнего мятежа и отдает ему и его потомкам все права на Клетчатый ручей, от Подковных холмов до Лиственного озера. Еще там говорится, что лорд Виман и его потомки вправе охотиться на красных оленей, вепрей и зайцев в Уотовом лесу когда им заблагорассудится и каждый год рубить в оном лесу по двадцать деревьев. — Мальчик откашлялся. — Однако права эти временные. Если сер Юстас умрет, не оставив наследника мужеского пола, Оплот отойдет в казну, и привилегии Вебберов на этом закончатся.

«Осгреи тысячу лет были хранителями Северных марок...»

— Они оставили старику только башню, чтоб в ней умереть.

— И голову, — рассудительно заметил Эг. — Король помиловал его, хотя он сражался на стороне мятежников.

— А ты бы снял с него голову? — покосился на него Дунк.

Эг пораздумал.

— Когда я жил при дворе, то иногда прислуживал на малом совете. Там об этом все время спорили. Дядя Бейлор говорил, что с благородным врагом милосердие уместно всегда. Победенный, веря, что будет прощен, способен сложить меч и склонить колено. В противном случае он будет драться до последнего и лишит жизни еще больше преданных нам людей. А лорд Кровавый Ворон возражал, что прощать мятежников — значит сеять семена нового мятежа. — В голосе Эга зву-

чало сомнение. — Зачем было серу Юстасу восставать против короля Дейрона? Тот был добрым королем, так все говорят. Он присоединил к королевству Дорн и сделал дорнийцев нашими друзьями.

— Спроси об этом сера Юстаса, Эг. — Дунку казалось, что он знает ответ, но мальчугану такой ответ не понравился бы. *«Он хотел вернуть замок со львом на воротах, а получил могилы в ежевичнике»*. Когда ты присягаешь кому-то, ты клянешься служить этому человеку, повиноваться ему и сражаться за него в случае нужды, а не лезть в его дела и не оспаривать союзы, которые он заключает... Но сер Юстас выставил Дунка дураком. Сказал, что его сыновья погибли за короля и что ручей его, а не Вебберов.

Ночь застала всадников в Уотовом лесу — по вине Дунка. Надо было ехать прямо домой, той же дорогой, а он свернул на север, чтобы еще раз взглянуть на плотину. Он даже подумывал о попытке разрушить ее собственными руками, но Семеро и сер Лукас Длинный Дюйм предусмотрели такое намерение. Плотину теперь охраняли двое арбалетчиков с пауками на камзолах. Один сидел, опустив ноги в краденую воду. За одно это Дунк охотно придушил бы его, но тот вскинул арбалет, как только слышал их, а его товарищ и стрелу зарядил. Пришлось Дунку ограничиться грозными взглядами и повернуть восвояси.

Окрестности он знал не так хорошо, как сер Беннис, но счел бы унижительным для себя заплутать в таком маленьком леске, как Уотов. Когда они перешли ручей вброд, солнце стояло низко и появлялись первые звезды вместе с тучами мошкары. Среди темных деревьев у Эга опять развязался язык.

— Этот толстый септон сказал, что мой отец сидит в Летнем замке и дуется.

— Мало ли кто что скажет.

— Отец никогда не дуется.

— Как знать. Ты же вот дуешься.

— Нет. — Эг помолчал. — Или да?

— Бывает, хотя и редко. Иначе ты чаще получал бы в ухо.

— Сегодня вы уже дали мне в ухо. Там, у ворот.

— Так, слегка. Будь это настоящая затрещина, ты бы почувствовал.

— Зато вам Красная Вдова залепила как следует.

— А ты и рад. — Дунк потрогал распухшую губу. *«Твоему отцу, однако, в ухо никто никогда не давал — возможно, потому он и получился таким, как есть, принц Мейкар».* — Когда король назначил лорда Кровавого Ворона своим десницей, твой лорд-отец отказался войти в королевский совет и удалился из Королевской Гавани в собственное поместье, — напомнил он Эгу. — В Летнем замке он остается уже полтора года. Конечно, он дуется, иначе не скажешь.

— Я бы сказал, что он гневается, — надменно промолвил Эг. — Его величеству следовало бы назначить десницей его. Он брат короля и лучший в стране военачальник после смерти дяди Бейлора. А Кровавый Ворон даже не лорд — его просто называют лордом из учтивости. Он колдун и человек низкого происхождения.

— Не низкого, а незаконного. — Пусть Кровавый Ворон не настоящий лорд, но кровь в нем благородная с обеих сторон. Мать его была одной из многих любовниц короля Эйгона Недостойного. Бастарды Эйгона стали проклятием Семи Королевств с самой кончины старого короля. На смертном одре он узаконил их всех — не только Кровавого Ворона, Жгучего Клинка и Черное Пламя, чьи матери были благородными дамами, но и остальных, зачатых им от трактирных девок, купеческих дочек, лицедеек и всех пригожих крестьянок, какие только попадались ему на глаза. Девиз дома Таргариенов — «Пламя и кровь», но сер Арлан говаривал, что Эйгону следовало бы взять другой: «Вымыть ее и привести ко мне». — Король Эйгон очистил его от клейма побочного сына, как и всех прочих, — напомнил он Эгу.

— Прежний верховный септон говорил моему отцу, что у короля один закон, а у богов другой, — не уступал Эг. — Отец и Матерь благословляют детей, рожденных в законном браке, но бастарды рождаются от

похоти и слабости человеческой. Король Эйгон сделал своих бастардов законными, но натуру их изменить не мог. Верховный септон говорил, что всем бастардам на роду написано быть изменниками — и Черному Пламени, и Жгучему Клинку, и даже Кровавому Ворону. Лорд Риверс, мол, просто хитрее, чем двое других, но в конце концов он себя покажет. Верховный септон советовал отцу никогда не доверяться ни ему, ни другим бастардам, какого бы рода те ни были, знатного или простого.

«На роду написано... Рождены от похоти и слабости человеческой».

— Эг, — сказал Дунк, — а ты никогда не думал, что я тоже бастард?

— Вы, сер? — опешил мальчик. — Вы не такой.

— Все может быть. Я ведь не знаю, кто была моя мать и что с ней случилось. Может, я родился таким большим, что убил ее, но скорее всего она была шлюхой или служила в трактире. Знатные леди на Блошином Дне не живут. А если она была замужняя, то куда отец подевался? — Дунк не любил вспоминать о своей жизни до сера Арлана. — Я все ходил в одну харчевню — сбывал там крыс, кошек и голубей на жаркое, так повар всегда говорил, что отец у меня был не иначе как вором. «Бьюсь об заклад, что видел, как его вешали, — говорил он, — хотя могли и на Стену отправить». Потом я спрашивал у сера Арлана, нельзя ли нам поступить на службу в Винтерфелл или другой какой северный замок. Все думал — вот доберусь до Стены и встречу там старика, высоченного, как я. Но мы так и не добрались до нее. Сер Арлан сказал, что на Севере межей нет, одни леса, а в них волки. Короче говоря, — подытожил Дунк, — очень может статься, что ты служишь в оруженосцах у бастарда.

Эг впервые на памяти Дунка не нашелся с ответом. Сумерки вокруг них сгущались, между стволами порхали, как летучие звезды, светляки. На небе тоже высыпали звезды — столько, что ни одному человеку не сосчитать, даже если он доживет до лет короля Джейхейриса. Дунк без труда находил среди них старых друзей: Жеребца, Свинку, Королевскую Корону и Фонарь Старицы, Галею, Призрака, Лунную Деву. Но голубой

глаз Ледяного Дракона, тот, что смотрит на север, скрыли набежавшие облака.

Когда они добрались до дома, вошла луна и осветила на холме высокую черную башню. В верхних окнах горел бледный желтый свет. Сер Юстас почти всегда отправлялся спать сразу после ужина, но сегодня он задержался. *«Нас дожидается»*, — сказал себе Дунк.

Беннис Бурый Щит тоже ждал — он сидел на ступенях башни, жевал кислolist и точил при луне свой меч. Медленное шарканье камня по стали разносилось далеко. Как ни пренебрегал сер Беннис своей одеждой и собственной персоной, к оружию он относился заботливо.

— Никак чурбан воротился. А я уж сталь вострую, чтоб ехать к вдове вызволять тебя.

— Что-то наших людей не видно.

— Треб с Мокрым Уотом несут караул на крыше — вдруг вдова нагрянет. Остальные спать повалились как убитые — я их здорово погонял сегодня. Пустил малость кровь большому недоумку, чтоб его разозлить. Он лучше дерется, когда злой. — Беннис ощерился в своей красно-бурой улыбке. — А тебе, я гляжу, губу расквасили. То-то — будешь знать, как камни переворачивать. Что тебе сказала женщина?

— Воду она оставит себе и вас тоже требует — за то, что поранили того землекопа.

— Так я и думал, — плюнул Беннис. — Сколько шуму из-за вшивого мужика. Он бы мне спасибо должен сказать — бабы любят мужчин со шрамами.

— Значит, вы не будете возражать, если она оставит вам на носу зарубку.

— Да пошла она... Если б мне хотелось иметь на носу отметину, я бы сам ее сделал. Сер Дуралей сидит у себя, — Беннис ткнул большим пальцем вверх, — размышляет о былом величии.

— Он сражался за черного дракона, — подал голос Эг.

Дунк уже примерился дать мальчишке в ухо, но бурый рыцарь только засмеялся...

— Ясное дело. Стоит только на него поглядеть. По-вашему, он похож на того, кто выбирает сторону победителя?

— Не больше, чем вы, — иначе вас бы здесь не было. Позаботься о Громе и Мейстере, — сказал Дунк Эгу, — а потом приходи к нам наверх.

Старый рыцарь сидел у очага в ночном одеянии, но огонь в очаге не горел. В руке он держал тяжелую серебряную чашу, сделанную для кого-то из лордов Осгреев еще до Завоевания. Чашу украшал клетчатый лев, составленный из золотых и нефритовых чешуек — некоторые из них уже облупились. Услышав шаги Дунка, старик заморгал, словно пробужденный от сна.

— Вот и вы, сер Дункан. Ну как, напугался Лукас Длинный Дюйм, когда вас увидел?

— Не думаю, милор. Скорее уж рассердился. — Дунк рассказал, как умел, о своем визите — только о леди Хелисенте умолчал, чтоб совсем уж дураком не показаться. Он опустил бы и затрещину, но губа у него раздулась вдвое против прежнего, чего сер Юстас не заметить никак не мог.

— Что с вашей губой? — спросил он, нахмурившись.

Дунк потрогал опухоль.

— Пощечина от ее светлости.

— Она ударила вас? — Старик раскрыл рот и снова закрыл. — Бить моего посла, приехавшего к ней под клетчатым львом! Посметь поднять на вас руку!

— Ничего страшного, сер. Кровь унялась, не успели мы выехать из замка. — Дунк сжал руку в кулак. — Вашего серебра ей не нужно. Она требует сера Бенниса и плотину сносить не намерена. Она показала мне пергамент с какой-то писаниной и королевской печатью. Там сказано, что ручей ее. И еще она сказала, — замялся Дунк, — что вы...

— Был сторонником черного дракона? — Сер Юстас поник головой. — Этого я и боялся. Если вы захотите покинуть службу, я не стану удерживать вас. — Старик опустил глаза на свою чашу, неведомо что там высматривая.

— Вы мне сказали, что ваши сыновья погибли за короля.

— Так оно и было. За *истинного* короля, Деймона Черное Пламя. Короля, Опоясанного Мечом. — Усы старика дрогнули. — Люди красного дракона называли себя «верными», но те, кто выбрал черного, отличались не меньшей верностью. Хотя теперь... все те, кто вместе со мной пытался возвести Деймона на Железный трон, — исчезли, как утренняя роса. То ли они мне приснились, то ли лорд Кровавый Ворон со своими Зубами нагнал на них страху. Не могли же они все умереть.

Дунку нечего было возразить на это. До сих пор он не встречал еще никого, кто сражался за Претендента. *«Не странно ли? Ведь их были тысячи! Полстраны поддерживало красного дракона, полстраны — черного».*

— Сер Арлан говорил, что и та и другая сторона бились отважно. — Дунк подумал, что старику приятно будет это услышать.

Сер Юстас покачал чашу в ладонях.

— Если бы Деймон растоптал Гвейна Корбрея... если бы Огненный Шар не был убит накануне битвы... если бы Хайтауэр, Тарбек, Окхарт и Батервелл поддержали нас всей своей силой, не пытаясь служить и вашим и нашим... если бы Манфред Лотстон не предал... если бы штормы не задержали прибытия лорда Бракена с миррийскими арбалетчиками... если бы Скорохвата не поймали с краденными драконьими яйцами... так много «если бы да кабы»... Если бы хоть что-то вышло не так, как на деле, все могло бы обернуться по-иному. Тогда «верными» звали бы нас, а красных драконов вспоминали как проигравших сторонников узурпатора Дейрона Ложного.

— Может, оно и верно, милор, но вышло все так, а не иначе. Зачем себя мучить? Это все давно быльем поросло, и вас помиловали.

— Помиловали, да. Тех, кто склонил колено и предоставил ему заложников в знак грядущей верности, Дейрон простил. Я выкупил свою голову жизнью дочери. Алисанне было семь, когда ее увезли в Королевскую Гавань, а умерла она в двадцать, Молчаливой Сестрой. Я однажды ездил в город ее повидать, а она ни слова не захотела сказать родному отцу. Королевское милосердие — дар, несущий в себе отраву. Дейрон Таргариен оставил мне жизнь, но отнял гордость, мечты и честь. — Его рука дрожала, и красное вино плескало из чаши на колени, но старик не замечал этого. — Лучше бы я отправился в изгнание со Жгучим Клинком или лег рядом с моими мальчиками и славным моим королем. Такая смерть была бы достойна клетчатого льва, потомка стольких гордых лордов и могучих воинов. Милость Дейрона умалила меня.

«В его сердце черный дракон еще жив», — понял Дунк.

— Милорд, — сказал Эг, вошедший, когда старик говорил о смерти. Сер Юстас посмотрел на него так, словно видел впервые.

— Да, паренек? Что тебе?

— Прошу прощения... но Красная Вдова сказала, что вы примкнули к мятежникам, чтобы отнять у нее замок. Это ведь не так, правда?

— Замок... — смутился старик. — Деймон обещал мне Холодный Ров, да... но воевал я не ради награды.

— Ради чего же тогда? — спросил Эг.

— Ради чего... — нахмурился Огрей.

— Зачем вы стали изменником, если не ради замка?

Сер Юстас долго смотрел на Эга и наконец ответил:

— Ты еще мальчик. Тебе не понять.

— Я постараюсь.

— Измена — это всего лишь слово. Когда двое принцев дерутся за стул, на который только один из них может сесть, и лордам, и простым людям приходится выбирать между ними. А после битвы победителей провозглашают верными, побежденных же — мятежниками и предателями. Вот и меня постигла такая участь.

Эг подумал немного.

— Да, милорд... но ведь Дейрон был добрый человек. Почему вы выбрали Деймона?

— Дейрон... — Старик выговорил это невнятно, и Дунк сообразил, что он сильно подвыпил. — Дейрон был хилый, узкоплечий, и брюшко у него подрагивало при ходьбе. Деймон отличался гордой осанкой, и живот у него был плоский и твердый, словно дубовый щит. И драться умел на славу. Любого рыцаря мог побороть на копьях, топорах или дубинках, а уж с мечом это был сам Воин. С Черным Пламенем в руках он не имел себе равных — будь то хоть Ульрик Дейн с Рассветом или Рыцарь-дракон с Темной Сестрой.

Человек познается по его друзьям, Эг. Дейрон окружал себя мастерами, септонами и певцами. Женщины вечно шептали что-то ему на ухо, и дорнийцы толклись у него при дворе. Как же иначе, если он уложил дорнийку к себе в постель и продал свою милую сестру принцу Дорнийскому, хотя любила она Деймона? Дейрон носил то же имя, что Юный Дракон, но сына от жены-дорнийки он назвал Бейлором в честь самого слабого из королей, когда-либо занимавших Железный трон.

А Деймон... он был набожен не более, чем это прилично королю, и вокруг него собрались все великие рыцари королевства. Лорду Кровавому Ворону очень хотелось бы, чтобы они были забыты, и он запрещает нам петь о них, но я-то помню. Робб Рейн, Гарет Серый, сер Обри Амброс, лорд Гормен Пик, Черный Бирен Флауэрс, Красный Бивень, Огненный Шар... Жгучий Клинок, наконец! Где еще, я вас спрашиваю, собиралось столь благородное общество, где вы еще найдете столько героев?

Ты спрашиваешь, почему, мальчик? Да потому, что Деймон был лучшим из двух. Это и старый король понимал. Недаром он отдал меч Деймону. Черное Пламя, клинок Эйгона Завоевателя, которым со времен Завоевания владел каждый король из рода Таргариенов... он вложил этот меч в руки Деймона в тот самый день, когда посвятил его, двенадцатилетнего, в рыцари.

— Мой отец говорит, что он сделал это, потому что Деймон был бойцом, а Дейрон нет, — сказал Эг. — Зачем дарить лошадь человеку, который не ездит верхом? Меч — еще не королевство, сказал отец.

Рука старого рыцаря дернулась, и вино выплеснулось из чаши.

— Твой отец дурень.

— Это не так!

Лицо Осгрея исказилось от гнева.

— Ты задал вопрос, и я на него ответил, но дерзость я терпеть не намерен. Вам следует почаще бить этого мальчика, сер Дункан. Его манеры оставляют желать много лучшего. Если вы хотите, чтобы я сам потрудился над ним, я это сделаю...

— Нет, — перебил Дункан, — не сделаете. Теперь уже ночь, но как только рассветет, мы уедем.

— Уедете? — повторил пораженный сер Юстас.

— Да. Мы покидаем Оплот и отказываемся от службы у вас. — *«Вы лгали нам. Называйте это как хотите, но с честью это несовместимо».* Дунк снял с себя плащ, свернул и положил старику на колени.

— Женщина предложила взять вас к себе? — прищурился Осгрей. — Вы покидаете меня, чтобы лечь в постель с этой шлюхой?

— Не знаю, кто она — шлюха, колдунья, отравительница или честная вдова. Мне нет до нее дела, чем бы она ни была. Мы едем на межи, не в Холодный Ров.

— На большую дорогу, вы хотите сказать. Рыскать по лесам, подобно волкам, и подкарауливать добрых людей. — Чаша выпала из дрожащей руки старика и покатила по полу, расплескивая вино. — Что ж, убирайтесь. Вы мне не нужны. Я жалею, что принял вас в дом. Убирайтесь!

— Как скажете, сер. — Дунк сделал знак Эгу, и они вышли.

* * *

В эту последнюю ночь Дунку хотелось быть как можно дальше от Юстаса Осгрея, поэтому легли они в подвале, вместе с доблестным вой-

ском Оплота. Ночь выдалась беспокойная. Лим с красноглазым Пейтом храпели — один громко, другой непрерывно. Через люк, из еще более глубоких погребов, несло сыростью. Дунк ворочался на колючей соломе, то засыпая, то пробуждаясь. В лесу его покусала мошкара, в соломе обитали блохи, и он все время чесался. *«Скорее бы уйти отсюда, — думал он, — подальше от старика, сера Бенниса и всех остальных»*. Пора, пожалуй, свозить Эга в Летний замок, к отцу. Он скажет ему об этом утром, когда башня останется позади.

Утро, однако, казалось очень далеким. В голове у Дунка кишели драконы, черные и красные, клетчатые львы, старые щиты, поношенные сапоги, ручьи, рвы, плотины и непонятные для него пергаменты с королевской печатью.

Присутствовала там и она, Красная Вдова, Роанна — ее веснушчатое лицо, тонкие руки, длинная рыжая коса. Из-за этого он чувствовал себя виноватым. *«Мне должна сниться Тансель, а не вдова — Тансель по прозвищу Длинная, но для меня в самый раз»*. Она раскрасила его щит, а он спас ее от Яркого Принца, но еще до назначенного ему испытания Тансель исчезла. *«Она не хотела видеть, как я умру»*, — твердил себе Дунк, но наверняка он этого знать не мог. Он темен, как погреб — одно то, что ему лезут в голову мысли о Красной Вдове, это доказывает. *«Тансель только улыбалась мне, я ни разу к ней не притронулся и ни разу ее не поцеловал, даже в щеку»*. Зато вдова к нему притронулась, да еще как — так, что губу раздуло. *«Не будь дураком, чурбан, она не про таких, как ты. Она слишком маленькая для тебя, слишком умная и слишком опасная»*.

Наконец он заснул надолго, и ему приснилось, что он бежит через поляну в Уотовом лесу — бежит навстречу Роанне, а она стреляет в него из лука. Каждая ее стрела попадала в цель и пронзала ему грудь, но боль от них была удивительно сладостна. Ему следовало бы бежать прочь, но он бежал к ней, медленно, будто самый воздух обратился в мед, хотя во сне всегда бежишь медленно. Стрелы продолжали вонзаться в него, точно в ее колчане им счету не было. Ее серые с зеленым глаза смотрели

лукаво. *«Это платье подчеркивает цвет ваших глаз»*, — хотел сказать он, только на ней не было платья, не было вообще ничего. Веснушки чуть сбрызнули ложбинку меж ее маленьких грудей, твердые красные соски походили на ягоды. Утыканный стрелами наподобие дикобраза, он свалился к ее ногам, но еще нашел в себе силы ухватить ее за косу, рывком повалил ее на себя и поцеловал.

На этом месте его разбудил чей-то крик.

Люди ругались, охали и спотыкались друг о друга, нашаривая в темном подвале свои штаны и копья. Эг отыскал и зажег сальную свечку, пролив немного света на сумятицу вокруг. Дунк первым вылез наверх и чуть не врезался в Сэма Ступса — тот бежал вниз, пыхтя, как кузнечные мехи, и бормоча что-то неразборчивое. Дунк придержал его за плечи, не дав упасть.

— Что там такое, Сэм?

— Небо, — бормотал старик, — *небо!* — Видя, что толку от него не добьешься, все поднялись на крышу, чтобы самим посмотреть. Сер Юстас уже стоял на парапете в ночной рубахе, глядя куда-то вдаль.

Солнце вставало на западе.

Дунк далеко не сразу сообразил, что это значит, а когда понял, промолвил:

— Уотов лес горит. — Снизу слышался отборнейший поток ругани от Бенниса — такой, что, что Эйгону Недостойному покраснеть впору. Сэм Ступс бормотал молитвы.

Пламени на таком расстоянии не было видно, но зарево охватило половину западного небосклона, затмив звезды. Половина Королевской Короны скрылась за пеленой дыма.

«С огнем и мечом, сказала она».

* * *

Пожар полыхал всю ночь, и в Оплоте никто не спал. Вскоре до них дошел запах дыма, и стали видны языки пламени, пляшущие вдали, как

девушки в алых юбках. Все беспокоились, не дойдет ли огонь сюда. Дунк до рези в глазах всматривался в ночь, ожидая появления всадников.

— Беннис, — сказал он, когда бурый рыцарь поднялся к ним со своей жвачкой во рту, — ей нужен ты. Лучше бы ты уехал отсюда.

— Бежать? — заржал тот. — На моем-то одре? Все равно что попробовать улететь верхом на проклятой курице.

— Тогда сдайся. Ну, раскроют тебе нос, и всех дел.

— Мой нос меня устраивает таким, как он есть, чурбан. Пусть сначала возьмет меня — поглядим, чья краса пострадает. — Беннис сел, поджав ноги, спиной к крепостному зубцу, и достал свой точильный камень. Сер Юстас стоял как раз над ним, и они стали вполголоса совещаться.

— Длинный Дюйм будет ждать нас у дамбы, — говорил старый рыцарь, — а мы вместо этого сожжем ее урожай. Огонь за огонь.

Сер Беннис счел эту мысль удачной, только добавил, что и мельницу бы неплохо поджечь.

— Она в шести лигах от замка с той стороны, Длинному Дюйму не придет в голову там караулить. Спалим мельницу и убьем мельника, это ей дорого станет.

Эг тоже их слышал. Он закашлялся и взглянул на Дунка округлившимися глазами.

— Сер, надо остановить их.

— Как? — спросил Дунк. *«Их вдова остановит, вместе со своим Длинным Дюймом»*. — Это они так, языком треплют, Эг. Чтоб штаны не намочить со страху. А нам до них дела больше нет.

Пришел рассвет, затянутый серой дымкой. Воздух ел глаза. Дунк хотел выехать пораньше, но сомневался, что они далеко уедут после бессонной ночи. Они с Эгом позавтракали вареными яйцами, пока Беннис учил ополченцев. *«Они люди Осгрея, а мы нет»*, — говорил себе Дунк. Он съел четыре яйца, полагая, что с сера Юстаса причитается, Эг съел два. Еду они запили элем.

— Можно поехать на Светлый остров, сер, — предложил мальчик, пока они укладывались. — Если им докучают железные люди, лорду Фармену лишние мечи пригодятся.

Эг подал хорошую мысль.

— А ты там когда-нибудь был?

— Нет, сер, но там, говорят, красиво. Недаром же остров и замок лорда Фармена называются Светлыми.

— Светлый так Светлый, — засмеялся Дунк. С него словно тяжесть свалилась. — Я пойду седлать, — сказал он, когда они увязали его доспехи в узел, перехваченный пеньковой веревкой. — А ты ступай на крышу за нашими одеялами. — Этим утром еще одно столкновение с клетчатым львом требовалось ему меньше всего. — Если увидишь сера Юстаса, ничего не говори.

— Хорошо, сер, не буду.

Беннис выстроил всех рекрутов в ряд с копьями и щитами и пытался научить их наступать строем. На Дунка, когда тот шел через двор, он даже не глянул. *«Он добьется, что их всех поубивают. Красная Вдова вот-вот будет здесь»*. Эг выбежал из башни с одеялами и поскакал по деревянным ступенькам. Сер Юстас стоял на балконе, упершись руками в перила. Встретившись глазами с Дунком, он шевельнул усами и отвернулся. Дым густо стоял в воздухе.

Беннис повесил через плечо щит, окованный железом, с бесчисленными слоями старого лака. Эмблемы на нем не было, только выпуклая накладка, напоминавшая Дунку большой зажмуренный глаз. *«Такой же слепой, как сам Беннис»*.

— Как ты намерен сражаться с ней? — спросил Дунк.

Беннис с красным от кислота ртом посмотрел на своих солдат.

— Холм с таким малым количеством копий не удержишь. Будем оборонять башню. Засядем внутри — вход у нее только один, втянем деревянную лестницу, и они нас не достанут.

— Они свою лестницу могут построить. Могут захватить веревки с крючьями и проникнуть к вам через кровлю. Или просто будут стрелять из арбалетов по двери, которую вы обороняете.

Дыни, Бобы и Ячмени прислушивались к их разговору. Недавнюю храбрость с мужиков как ветром сдуло, несмотря на полное безветрие. Сжимая свои заостренные палки, они смотрели то на Дунка с Беннисом, то друг на друга.

— Твое воинство тебе не поможет, — сказал Дунк. — Если ты оставишь их на открытом месте, вдовьи рыцари порубят всех на куски, а в башне от их копий никакого проку.

— Они могут бросать что-нибудь с крыши, — заметил Беннис. — Треб хорошо камни кидает.

— Пару камней он, может, и бросит, пока кто-то из арбалетчиков не снимет его.

— Сер, — возник рядом Эг, — если мы едем, то нам пора — не ровен час вдова нагрянет.

Эг, конечно, был прав — из-за промедления они могли оказаться в ловушке, — но Дунк все-таки медлил.

— Распусти их, Беннис.

— Что-о? Распустить наших доблестных воинов? — заржал тот и предостерег мужиков: — Вы себе ничего такого в голову не берите. Я выпущу кишки каждому, кто вздумает убежать.

— А я выпущу кишки тебе. — Дунк вынул меч и сказал крестьянам: — Ступайте домой. Расходитесь по своим деревням и посмотрите, не пострадали ли от пожара ваши дома и посевы.

Никто не шелохнулся. Бурый рыцарь смотрел на Дунка, пережевывая кислост.

— Ступайте, — повторил Дунк, словно кто-то из богов внушил ему это слово. «Только не Воин. Может, у дураков есть свой бог?» — ПРОЧЬ! — рявкнул он во весь голос. — Копья и щиты возьмите с собой, только уxo-

дите, иначе до завтра вам не дожить. Вы что ж, не хотите снова обнять ваших жен и детей? По домам! Оглохли вы все, что ли?

Нет, они не оглохли. Во дворе поднялась суматоха. Большой Роб в спешке наступил на курицу, Пейт споткнулся о собственное копьё, чуть не вспоров живот Уиллу Бобу. Наконец все они разбежались — Бобы в одну сторону, Дыни в другую, Ячмени в третью. Сер Юстас кричал на них сверху, но они не обращали внимания. *«На этот раз их уж точно глухота одолела».*

Когда старый рыцарь вышел из башни и слез по ступенькам, посреди кур остались только Беннис, Дунк и Эг.

— Вернитесь, — закричал сер Юстас вслед своему улепетывающему войску. — Я не разрешал вам уходить. *Я не разрешал!*

— Бесполезно, милор, — сказал Беннис. — Они не вернутся.

Осгрей повернулся к Дунку с трясущимися от ярости усами.

— Вы не имели никакого права их отпускать. *Никакого!* Я решительно запретил им уходить, а вам — отпускать их!

— Мы не слышали, милорд. — Эг снял шляпу, чтобы разогнать дым. — Очень уж куры раскудахтались.

Старик хлопнулся на нижнюю ступеньку Оплота.

— Что предложила вам эта женщина за меня? — произнес он безжизненным голосом. — Сколько золота она вам дала за измену, чтобы вы разогнали моих людей и оставили меня одного?

— Вы не один, милор. — Дунк убрал меч. — Я спал ночью под вашим кровом, а утром ел яйца, которые снесли ваши куры. Я перед вами в долгу и не стану убегать, поджав хвост. Мой меч пока еще здесь. — Он дотронулся до рукояти.

— Один-единственный. — Старик медленно поднялся на ноги. — Что может один меч против этой женщины?

— Для начала попробуем не пустить ее на вашу землю. — Дунк очень хотел бы чувствовать себя так же уверенно, как говорил.

Усы старого рыцаря трепетали при каждом вздохе.

— Да, — сказал он. — Лучше действовать смело, чем отсиживаться за каменными стенами. Лучше умереть львом, чем кроликом. Мы были хранителями Северных марок тысячу лет. Пойду надену доспехи.

Он заковылял наверх, а Эг сказал, глядя на Дунка:

— Не знал, что у вас есть хвост, сер.

— В ухо хочешь?

— Нет, сер. Вам тоже понадобятся доспехи?

— Да. И еще кое-что.

* * *

Они подумывали о том, чтобы взять с собой сера Бенниса, но в конце концов сер Юстас приказал ему оставаться и держать Оплот. Его меч принес бы мало пользы против численно превосходящего врага, а его вид мог разгорячить вдову еще больше.

Бенниса долго уговаривать не пришлось. Дунк помог ему выбить железные шпеньки, закреплявшие на месте верхний пролет. Беннис взобрался по ним, отвязал древние веревки и стал тянуть. Деревянная лестница со скрипом и скрежетом поползла вверх, оставив десятифутовый прогал между каменными ступенями и единственной дверью башни. Сэм и его жена уже были внутри, кур предоставили собственным заботам.

— Если мы не вернемся к ночи... — крикнул напоследок сер Юстас, сидя на своем сером мерине.

— То я поеду в Хайгарден, милор, и расскажу лорду Тиреллу, как эта женщина сожгла ваш лес и убила вас самих.

Дунк спустился с холма вслед за Эгом и Мейстером. Старый рыцарь, побрякивая доспехами, замыкал процессию. Ветер, поднявшийся впервые за много дней, трепал его плащ.

На месте Уотова леса дымилось пожарище. Огонь к этому времени догорел сам собой, но среди моря пепла и тлеющих углей еще потрескивали его островки. Одни обгоревшие стволы торчали в небо, как черные

копья, другие рухнули поперек дороги. Их ветви сломались и обуглились, а в сердцевине еще тлели тускло-красные огни. Под ногами то и дело подворачивались горящие головешки и кое-где стоял клубами плотный горячий дым. На сера Юстаса напал кашель, и Дунк боялся, как бы старику не пришлось повернуть назад, но приступ миновал.

Им встретила туша красного оленя и еще один трупик, похоже, барсучий. Выжили здесь только мухи — они способны пережить что угодно.

— Вот таким, наверно, было Пламенное Поле, — сказал сер Юстас. — Оттуда, двести лет назад, начались наши беды. Там пал последний из зеленых королей, а с ним и весь цвет Простора. Отец рассказывал, что от драконова огня у них мечи в руках плавилась. Потом эти клинки собрали и сделали из них Железный трон. Хайгарден перешел от королей к стюардам, а Осгреи захирели и из хранителей Северных марок сделались ленными рыцарями, вассалами Рованов.

Дунку нечего было на это сказать, и некоторое время они ехали молча. Потом сер Юстас кашлянул и спросил:

— Сер Дункан, вы помните историю, которую я вам рассказал?

— Возможно, и помню, сер — которую?

— О Малом Льве.

— Да, помню. Он был младшим из пяти сыновей.

— Именно. — Он снова откашлялся. — Когда он убил Лансея Ланнистера, западные повернули назад. Без короля война прекращается. Вы понимаете, к чему я говорю это?

— Да, — неохотно ответил Дунк. *«Мог бы я убить женщину?»* Единственный раз в жизни ему захотелось стать и правда тупым, как этот пресловутый чурбан. *«Нет, так не годится. Я не должен этого допустить».*

Там, где западная дорога пересекала ручей, сохранилось несколько зеленых деревьев, обгоревших только с одной стороны. За ними поблес-

кивала вода. «Синева и зелень, — подумал Дунк, — но все золото ушло». Дым затмил солнце.

На берегу сер Юстас остановился.

— Я дал священный обет никогда не переходить этот ручей, пока земля за ним принадлежит ей. — Рыцарь был одет в кольчугу и панцирь под пожелтевшим сюрко, на бедре висел меч.

— А что, если она так и не придет, сер? — спросил Эг.

«С огнем и мечом», — вспомнил Дунк и сказал:

— Придет.

И она явилась, не прошло и часа. Сначала они слышали конский топот, потом позвякивание доспехов. Стелющийся дым мешал различить, далеко ли всадники, но вскоре из-за рваной серой завесы возник ее знаменосец. Древко венчал железный паук, раскрашенный в белый и красный цвета, ниже болталось черное знамя Вебберов. Увидев их за ручьем, знаменосец остановился. С ним поравнялся сер Лукас Инчфилд, в броне с головы до ног, и лишь тогда показалась леди Роанна на черной, как уголь, кобыле.

Лошадь была убрана полосками серебристого шелка, точно нитями паутины. За плечами вдовы развевался плащ из такой же ткани, легкий, как воздух. Ее чешуйчатые доспехи, покрытые зеленой эмалью, сверкали золотой и серебряной чеканкой. Они сидели на ней, как перчатка, и казались сшитыми из летней листвы. За спиной подсакивала длинная рыжая коса. По одну ее руку ехал краснолицый септон Сефтон на большом сером мерине, по другую мейстер Серрик на муле.

Позади виднелось еще полдюжины рыцарей и столько же оруженосцев. Замыкали отряд конные арбалетчики. Заметив Дунка на том берегу, они раскинулись веером по обе стороны от дороги. Всего бойцов, не считая септона, мейстера и саму Роанну, было тридцать три. Дунк встретился взглядом с одним из рыцарей — приземистым, лысым, одетым в кольчугу и кожу, с сердитым лицом и безобразным зобом на шее.

Красная Вдова подъехала к самому краю ручья.

— Сер Юстас, сер Дункан, мы видели ночью, как горит ваш лес.

— Видели, вот как? — отозвался сер Юстас. — Ясно, что видели, — после того, как сами его подожгли.

— Это злобный навет.

— И дело злое.

— Ночью я спала в своей постели, в окружении своих дам. Крики часовых разбудили меня, как и всех остальных. Старики карабкались на башню, чтобы взглянуть, грудные младенцы плакали от страха, видя красное зарево. Вот и все, что известно мне о вашем пожаре, сер.

— Это сделала ты, женщина, и мой лес погиб! — не унимался старый рыцарь.

— Сер Юстас, — вмешался, прочистив горло, Сефтон, — леса горят повсюду, и Королевский, и даже Дождливый. Засуха их все превратила в сухие дрова.

— Взгляните, как высохли мои поля, Острей, — призвала, подняв руку, Роанна. — Устраивать пожар было бы большой глупостью. Стоило ветру перемениться, пламя перескочило бы через ручей и сожгло половину моего урожая.

— Но твои поля целы, а лес мой сгорел! — прокричал сер Юстас. — И сожгла его ты. Ветер ты подчинила себе колдовскими чарами, и те же чары помогали тебе убивать своих мужей и братьев!

Лицо Роанны окаменело, как в Холодном Рву перед тем, как она закатила Дунку пощечину.

— Довольно болтать, сер, — ответила она старику. — Выдайте нам Бенниса Бурый Щит, иначе мы сами его заберем.

— Не бывать этому! — прогремел, шевельнув усами, сер Юстас. — Ни шагу дальше. Эта сторона ручья принадлежит мне, и вам здесь не рады. Вы не получите здесь ни хлеба, ни соли, ни даже воды и тени. Вы будете не гостями, а вторженцами. Я запрещаю вам ступать на землю Остреев.

— Сер Лукас, — только и вымолвила Роанна, перекинув косу через плечо. По знаку Длинного Дюйма лучники спешили, подкрутили во-

ротки своих арбалетов и зарядили их. — Вы, кажется, хотели мне что-то запретить, сер? — осведомилась тогда леди Веббер.

Дунк решил, что с него довольно.

— Если вы перейдете этот ручей без позволения, то нарушите королевский мир.

— Король не узнает об этом, да ему и дела нет, — сказал септон, послав своего коня на шаг вперед. — Все мы дети Небесной Матери, сер, — отступитесь во имя ее.

Дунк нахмурился:

— Я мало что смыслю в божественных делах, септон, но разве мы также не дети Воина? Если вы попытаетесь перейти, я остановлю вас.

— Вот межевой рыцарь, желающий стать ежом, миледи, — засмеялся сер Лукас. — Одно ваше слово — и мы утыкаем его стрелами. На таком расстоянии они проткнут его броню, как раз плюнуть.

— Повремените, сер, — сказала Роанна и обратилась к противникам за ручьем: — Вас двое мужчин и мальчик, а нас тридцать три человека. Как вы намерены помешать нам переправиться?

— Я скажу вам, — сказал Дунк, — но только наедине.

— Как вам будет угодно. — Роанна направила лошадь в ручей и остановилась, когда вода дошла кобыле до брюха. — Приблизьтесь, сер, — я обещаю не зашивать вас в мешок.

Сер Юстас схватил Дунка за руку.

— Ступайте к ней, но помните о Малом Льве.

— Да, милор. — Дунк въехал в воду и стал рядом с Красной Вдовой. — Миледи.

— Сер Дункан. — Она потрогала его раздувшуюся губу. — Неужели это я сделала?

— За последнее время меня больше никто не бил по лицу, миледи.

— Я поступила дурно. Нарушила законы гостеприимства. Наш добрый септон долго меня за это журил. — Она посмотрела через ручей на

сера Юстаса. — Теперь я уже едва помню Аддама. Это было полжизни назад. Помню только, что любила его, а других не любила.

— Отец похоронил его в ежевичнике вместе с братьями. Аддам любил ежевику.

— Я помню. Мы собирали ее вместе и ели со сливками.

— Король простил старику Деймона — пора и вам простить ему Аддама, — сказал Дунк.

— Отдайте мне Бенниса, и я подумаю.

— Беннис не моя собственность, чтобы его отдавать.

— Мне не хотелось бы убивать вас, — вздохнула она.

— Мне не хотелось бы умирать.

— Ну так отдайте Бенниса. Мы отрежем ему нос, потом вернем назад, и делу конец.

— Нет, не конец. Остается еще плотина. И пожар. Вы согласны выдать нам поджигателей?

— Там водились светлячки, — сказала она. — Может, это они зажгли пожар своими фонариками?

— Довольно шутить, миледи, — предупредил ее Дунк. — Время шуток прошло. Снесите плотину и отдайте серу Юстасу воду в обмен на лес. Это будет честно, не так ли?

— Было бы честно, если б лес подожгла я. Но я этого не делала — я мирно спала в Холодном Рву. Так что же нам помешает переправиться на ту сторону? Вы разбросали среди камней железные шипы? Закопали лучников в пепле? Скажите же — что, по-вашему, нас остановит?

— Я. — Дунк снял перчатку с руки. — На Блошином Дне я был сильнее и выше других мальчиков, поэтому я бил их и все у них отнимал. Мой старый рыцарь сказал мне, что так делать негоже. Это нехорошо, сказал он, а кроме того, у маленьких мальчиков бывают большие старшие братья. Взгляните. — Дунк снял с пальца перстень и подал Роанне.

Она отпустила косу, которую теребила, и взяла кольцо.

— Золото, — определила она, взвесив его на руке. — И печатка золотая, с ониксом. — Когда она разглядела печать, ее зеленые глаза сузились. — Откуда это у вас, сер?

— Оно лежало в носке сапога, завернутое в тряпицу.

Роанна, зажав перстень в кулаке, бросила взгляд на Эга и сера Юстаса.

— Вы пошли на большой риск, показав его мне. Но какое отношение это имеет к нам? Если я прикажу своим людям переправляться...

— В таком случае мне придется вступить с вами в бой.

— И умереть.

— Очень может быть. Тогда Эг вернется домой и расскажет, что здесь случилось.

— Не расскажет, если тоже умрет.

— Не думаю, что вы способны убить десятилетнего мальчика, — сказал Дунк, надеясь на правоту своих слов. — Во всяком случае, *этого* мальчика. Вас тут тридцать три человека, как вы сами сказали. Пойдут разговоры — ваш толстяк уж верно молчать не будет. Как бы вы глубоко нас ни закопали, правда выйдет наружу. И тогда... лев, возможно, может умереть, если его укусит паук, но дракон — зверь иного рода.

— Да, с драконом лучше не ссориться. — Роанна примерила перстень, но он даже для большого пальца был слишком велик. — Но Бенни-са Бурый Щит я должна получить в любом случае.

— Нет.

— В вас семь футов упрямства.

— На один дюйм меньше.

Она вернула ему кольцо.

— Я не могу вернуться в Холодный Ров с пустыми руками. Скажут, что Красная Вдова перестала жалить, что ей не по силам вершить правосудие и своим крестьянам она не защита. Вам этого не понять, сер.

— Отчего же. — *«Мне это понятнее, чем ты думаешь»*. — Помню, один лордик на штормовых землях взял сера Арлана на службу, в по-

мощь против другого лордика. Я спросил старика, чего эти двое не поделили, а он ответил: «Да так, пустяки. Состязаются, кто дальше струю пустит».

Ошеломленный взгляд, которым одарила его леди Роанна, продержался недолго и сменился усмешкой.

— За свою жизнь я вдоволь понаслушалась пустопорожных светских бесед, но вы первый рыцарь, сказавший при мне такую вещь. В таких состязаниях, — уже серьезно продолжила она, — лорды оценивают, кто из них чего стоит, и горе тому, кто выкажет слабость. Женщине, если она хочет править самостоятельно, нужно пускать струю вдвое дальше, а если она к тому же и ростом не вышла... Лорд Стэкхаус охотно оттяпал бы у меня Подковные холмы, у сэра Клиффорда Конклина старые притязания на Лиственное озеро, Дервеллы живут тем, что угоняют скот у соседей... а у меня в доме распоряжается Длинный Дюйм. Просыпаясь утром, я каждый раз думаю, не решится ли он взять меня в жены силой. — Она обмотала косу вокруг руки, как веревку, удерживающую ее над пропастью. — Он этого хочет, я знаю. Только страх перед моим гневом останавливает его, как и Стэкхауса, и Конклина, и Дервелла. Если кто-то из них найдет, что я хоть в чем-то дала слабину...

Дунк снова надел перстень на палец и достал из ножен кинжал.

— Что вы делаете? — Ее глаза широко раскрылись. — Рехнулись вы, что ли? На вас смотрит дюжина арбалетов.

— Вы сказали, что за кровь платят кровью. — Дунк приставил острие кинжала к щеке. — Вам доложили неверно. Того землекопа ранил я, а не Беннис. — Он полоснул себя по лицу и стряхнул кровь с клинка. Несколько капель попало на лицо Роанны. «Новые веснушки», — подумал он. — Теперь Красная Вдова получила свое. Одна щека в обмен на другую.

— Нет, вы в самом деле с ума сошли. — Ее глаза наполнились слезами от дыма. — Будь вы лучшего рода, я стала бы вашей женой.

— Будь у свиней крылья, чешуя и огненное дыхание, они стали бы драконами, миледи. — Дунк убрал кинжал в ножны. Щеку дергало, кровь стекала на стальной ворот. Гром, почуяв ее запах, захрапел и ударил ногой по воде. — Теперь выдайте мне тех, кто поджег лес.

— Лес загорелся сам, но если кто-то из моих его и поджег, то лишь для того, чтобы мне угодить. Как же я могу выдать их вам? — Она оглянулась на свою свиту. — Будет лучше, если сер Юстас возьмет назад свое обвинение.

— Скорей уж свиньи начнут изрыгать огонь, миледи.

— В таком случае мне придется доказать свою невиновность перед глазами богов и людей. Скажите серу Юстасу, что я требую извинения... или испытания, на его выбор. — Она повернула лошадь и вернулась к своим.

* * *

Поле их битвы должен был стать ручей.

Септон Сефтон вошел в воду и прочел молитву, прося Всевышнего Отца воззреть на двух этих бойцов и рассудить их справедливо; Воина он просил даровать силу правому, Матьерь — быть милостивой к неправому и простить ему грехи. Покончив с молитвой, он снова обратился к серу Юстасу Огрею.

— Я еще раз прошу вас, сер, взять назад свое обвинение.

— Нет, — отрезал старик, подрагивая усами.

— Сестрица, — сказал септон Роанне, — если вы виновны, покайтесь и предложите доброму серу Юстасу какое-то возмещение за его лес. Иначе прольется кровь.

— Мой боец докажет мою невиновность перед глазами богов и людей.

— Поединок — не единственный способ решить это дело, — настаивал септон, стоя по пояс в воде. — Я прошу вас обоих отправиться в Золотую Рощу и предоставить лорду Ровану рассудить вас.

— Ни за что, — заявил сер Юстас, а вдова потрясла головой.

Сер Лукас смотрел на Роанну, потемнев от бешенства.

— Когда эта комедия кончится, вы станете моей женой, как того желал ваш лорд-отец.

— Мой лорд-отец не знал вас так хорошо, как я.

Дунк, став на одно колено перед Эгом, вложил ему в руку перстень с двумя парами трехглавых драконов, гербом Мейкара.

— Спрячь его обратно в сапог, и если умереть суждено мне, ступай к тому из друзей твоего отца, кто живет поближе, и пусть тебя отвезут в Летний замок. Не вздумай ехать один через весь Простор. Сделай, как я сказал, не то мой дух явится и даст тебе в ухо.

— Да, сер, но вы уж лучше не умирайте.

— Не хотелось бы в такую жару. — Дунк надел шлем, и Эг помог прикрепить его к вороту. Кровь на щеке уже подсыхала — сер Юстас заткнул рану клочком своего плаща. Садясь в седло, он увидел, что почти весь дым унесло ветром, но небо оставалось сумрачным. *«Да это же тучи, которых никто не видел давным-давно. Может, это дурной знак? Для него или для меня?»* Дунк плохо разбирался в приметах.

Сер Лукас за ручьем тоже сел на коня, великолепного гнедого скакуна, резвого и сильного, но не такого большого, как Гром. Этот недостаток всадник возмещал доспехами — конь имел на себе и подбродник, и наголовник, и легкую кольчужную попону. Сам Длинный Дюйм был одет в черный эмалевый панцирь и серебристую кольчугу. На шлеме у него грозно раскорячился ониковый паук, но щит украшала его собственная эмблема: перевязь в черно-белую клетку, пересекающая бледно-серое поле. Сер Лукас отдал щит оруженосцу, и Дунк понял причину, когда другой оруженосец подал ему топор на длинной рукояти, с тяжелым лезвием и острой пикой на конце. Оружие было двуручным. Длинный Дюйм полагался на защиту своих доспехов. *«Я заставлю его пожалеть о таком выборе».*

Сам он надел щит на левую руку — тот самый, что раскрасила Тансель, с вязом и летящей звездой. В голове у него застряла старая молитва: *«Дуб и железо, храните меня от смерти и адова огня»*. Он вынул меч из ножен и с удовольствием ощутил его вес.

Он послал Грома в воду, и сер Лукас на том берегу сделал то же самое. Дунк держался правой стороны, чтобы оставить Длинного Дюйма с левого, прикрытого щитом, бока. Сер Лукас, раскусив этот маневр, быстро повернул коня, и они сошлись посреди потока, в шуме воды и стали. Длинный Дюйм нанес удар топором, и Дунк, изогнувшись в седле, принял его на щит. От силы удара у него онемела рука и заныли зубы. Ответный взмах его меча задел Инчфилда ниже поднятой руки. Сталь скрежетнула о сталь. Начало бою было положено.

Инчфилд описал круг, пытаясь обойти Дунка с незащищенной стороны, но Гром повернулся ему навстречу и огрызнулся на другого коня. Привставая на стременах, сер Лукас наносил один сокрушительный удар за другим. Дунк, ворочая щитом, отражал все. Прикрываясь своим дубом, он рубил по ногам, рукам и боку противника, но меч каждый раз отскакивал от панциря. Они кружили, и вода бурлила у их колен. Длинный Дюйм нападал, Дунк защищался, выскивая слабое место.

В конце концов он его нашел. Каждый раз, когда сер Лукас вскидывал топор, под мышкой у него открывалась щель. В том месте не было панциря — только кольчуга, кожаный кафтан и стеганая подкладка. Дунк прикрылся щитом, рассчитывая время. *«Ждать. Ждать»*. Топор обрушился и снова взлетел. *«Теперь!»* Дунк пришпорил Грома и вогнал острие меча прямо в брешь.

Но прореха сомкнулась столь же быстро, как и появилась. Меч проехался по ронделю, и Дунк чуть не вылетел из седла. Топор задел железный обод щита, двинул Дунка сбоку по шлему и скользнул по шее Грома.

Конь завизжал и встал на дыбы, закатывая глаза от боли. Острый медный запах крови прорезал воздух. Кованые копыта врезались в лицо и плечо Длинного Дюйма, а после тяжелый Гром рухнул на его скакуна.

Все это совершилось в мгновение ока. Оба коня упали, кусаясь, лягаясь, взбивая илистую воду. Дунк хотел соскочить, но одна его нога застряла в стремях. Он еще успел глотнуть воздуха, и вода тут же хлынула в глазную прорезь его шлема. Мощные движения Грома в попытках подняться чуть не вывернули ему ногу из бедренного сустава. В следующий миг он освободился и пошел на дно, беспомощно молотя руками в мутной сине-зеленой среде.

Увлекаемый тяжестью доспехов, он стукнулся плечом о дно. *«Если это низ, то в другой стороне должен быть верх»*. Хватаясь руками в стальных перчатках за камни и песок, Дунк как-то ухитрился опереться на ноги и встать. Его пошатывало, ил и вода стекали из носовой щели помятого шлема, однако он стоял и мог дышать.

Изрубленный щит удержался на его левой руке, но меч куда-то пропал. Внутри шлема, кроме воды, чувствовалась и кровь. Когда он попытался переменить положение, боль в лодыжке прошла всю ногу. Кони тоже поднялись на ноги. Дунк прищурил заливаемый кровью глаз и повернул голову, высматривая врага. *«Утонул, не иначе — или Гром проломил ему череп»*.

Тут сер Лукас выскочил из воды прямо перед ним, держа в руке меч. Он рубанул Дунка по шее, и только крепкий стальной ворот не дал голове слететь с плеч. Безоружный Дунк отступил. Длинный Дюйм наседал, вопя и орудуя мечом. Дунк получил парализующий удар выше локтя и болезненный — по бедру. Под ногу ему подвернулся камень, и он упал на одно колено, уйдя в воду по грудь. Он успел прикрыться щитом, но мощный удар Лукаса расколол дуб точно посередине. В лицо полетели осколки, в ушах зазвенело, рот наполнился кровью, но Дунк все-таки слышал, как где-то далеко кричит Эг:

— Бейте его, сер, бейте, он прямо над вами!

Дунк бросился вперед, врезался в противника на уровне пояса и сбил с ног, пока тот заносил меч для нового удара. Ручей снова накрыл их обоих, но на этот раз Дунк был готов. Обхватив Длинного Дюйма од-

ной рукой, он прижал его ко дну. Тот пускал пузыри из-под вдавленного забрала, но еще боролся. Нашарив в иле камень, он стал молотить Дунка по голове и рукам. Дунк свободной рукой ощупывал пояс. *«Неужели кинжал тоже потерялся? Нет, вот он»*. Сквозь взбаламученную воду, кольчугу и вареную кожу Дунк медленно вонзил его Длинному Дюйму под мышку и повернул. Лукас дернулся и обмяк, Дунк, оттолкнувшись, всплыл. Грудь жгло огнем. Мимо промелькнула рыба — длинная, тонкая, белая. *«Что это? — успел подумать он. — Что это? Что?»*

* * *

Очнулся он не в том замке.

Открыв глаза, он не понял, где находится. Воздух отдавал благословенной прохладой. Во рту стоял вкус крови, на глазах лежала тяжелая примочка, пропитанная душистой мазью с запахом гвоздики.

Дунк убрал ее. На высоком потолке играл свет от факела. По стропилам разгуливали вóроны, каркая и поглядывая на него черными глазками-бусинками. *«Не ослеп — уже хорошо»*. Дунк понял, что находится в мейстерской башне. На полках стояли лотки с травами, глиняные горшки и зеленые склянки, на длинном столе громоздились пергаменты, книги и какие-то бронзовые инструменты, густо окропленные вороньим пометом. Птицы тихо переговаривались между собой.

Дунк попробовал сесть. Это оказалось ошибкой. Голова поплыла, левую ногу пронзила острая боль. Он увидел, что лодыжка у него забинтована, и на груди тоже повязка.

— Лежите тихо. — Над ним нависло щуплое молодое лицо с темно-карими глазами и крючковатым носом. Дунк узнал его. Ниже начиналось серое одеяние, шею охватывала мейстерская цепь, составленная из многих металлов. Дунк ухватил его за руку.

— Где я?

— В Холодном Рву. Вы слишком пострадали, чтобы везти вас в Оплот, и леди Роанна приказала поместить вас сюда. Выпейте это. —

Мейстер поднес чашу к губам Дунка. Питье отдавало горечью и походило на уксус, но хотя бы смыло вкус крови.

Дунк, заставив себя выпить все до капли, согнул и разогнул пальцы обеих рук. *«Руки целы — еще лучше».*

— Куда я ранен?

— Спросите лучше, куда *не* ранены, — фыркнул мейстер. — Лодыжка и ключица сломаны, колено вывихнуто, торс весь в синяках, правая рука и вовсе черная. Я думал, что череп у вас тоже поврежден, но оказалось, что нет. Есть еще порез на лице — боюсь, шрам останется. И вы, можно сказать, захлебнулись, когда мы вытащили вас из воды.

— Захлебнулся?

— Не думал, что в человеке может поместиться столько воды, даже в таком большом, как вы, сер. Вам посчастливилось, что я родом с Железных островов. Жрецы Утонувшего Бога умеют как топить людей, так и откачивать, а я изучал их верования и обычаи.

«Выходит, я утонул. — Дунк опять попытался сесть, но сил не было. — Утонул в ручье, который мне и до шеи-то не доставал». Он засмеялся и тут же застонал.

— Что сер Лукас?

— Мертв. Вы в этом сомневались?

«Нет». Дунк сомневался во многом, но только не в этом. Он помнил, как обмяк Длинный Дюйм на дне.

— Эг... Где Эг?

— Кажется, ваш язык начал заплетаться, ничего не разобрать. Лучше вам поспать.

— Эг — мой оруженосец...

— Ах, вот вы о ком! Храбрый паренек и сильный, хотя с виду не скажешь. Это он вытащил вас из ручья, и помог снять с вас доспехи, и доехал с вами в повозке до самого замка. Здесь он не сомкнул глаз и сидел рядом с вами с вашим мечом на коленях, опасаясь, как бы кто-нибудь вас не обидел. Даже ко мне он относился с подозрением и заставлял

пробовать все лекарства, которые я вам давал. Станный мальчик, но преданный.

— Где он теперь?

— Сер Юстас попросил его прислуживать на свадебном пиру. Больше людей Острей в замке нет, и отказать было никак нельзя.

— Свадебный пир? — недоуменно переспросил Дунк.

— Конечно, откуда же вам знать. После вашего поединка Оплот и Холодный Ров помирились. Леди Роанна попросила у сера Юстаса разрешения навестить могилу Аддама, и он позволил. Она преклонила колени у ежевичника и расплакалась, и он был так тронут, что стал ее утешать. Они проговорили всю ночь, вспоминая Аддама и лорда Вимана — ведь отец миледи и сер Юстас были закадычными друзьями до самого мятежа. Нынче утром наш добрый септон Сефтон сочетал его светлость и миледи браком. Теперь Юстас Острей — лорд Холодного Рва, и его клетчатый лев развеивается на всех стенах и башнях наряду с пауком.

Мир вокруг Дунка начал медленно вращаться. *«Это из-за питья. Он меня усыпил»*. Он закрыл глаза, и боль покинула его тело. Он слышал перекланку воронов, собственное дыхание и еще какой-то шум — мерный, тяжелый, странно успокаивающий.

— Что это? — пробормотал он сонно. — Что за звук?

— Это? — Мейстер прислушался. — Да просто дождь.

* * *

Он увидел ее только в день отъезда.

— Это безумие, сер, — причитал септон Сефтон, пока Дунк ковылял через двор, опираясь на костыль и покачивая ногой в лубке. — Мейстер Серрик говорит, что вы еще и наполовину не поправились, а тут еще этот дождь... вы простынете, раз уж утонуть вам не суждено. Дождитесь хотя бы хорошей погоды.

— Может, он теперь годами лить будет. — Дунк был благодарен толстяку — тот навещал его почти ежедневно — якобы, чтобы помолиться

за него, но большей частью он предавался болтовне и сплетням. Дунк привык к его веселому обществу и живому, образному языку, но это ничего не меняло. — Мне надо ехать.

Дождь все это время хлестал их тысячью серых плетей. Он уже насквозь промочил плащ, подаренный сером Юстасом, с отделкой из золотых и зеленых клетчатых клеток. На прощание сер Юстас прямо-таки навязал его Дунку. «За ваше мужество, сер, и вашу верную службу». Плащ на плече скрепляла пряжка, тоже дареная — паук из слоновой кости, с серебряными ногами и россыпью дробленых гранатов на спине.

— Надеюсь, вам не придет в голову охотиться за Беннисом, — продолжал септон. — Вы так побиты, что встреча с ним ничего хорошего вам не сулит.

«*Беннис*, — горько подумал Дунк, — *проклятый Беннис*». Пока Дунк дрался на середине ручья, он связал Сэма с женой, ограбил Оплот дочиста и сбежал с кучей свечей, одежды, оружия, с серебряной чашей Осгреев и горсткой монет, которую старик прятал у себя в горнице за полуистлевшим гобеленом. Дунк надеялся, что когда-нибудь еще встретится с сером Беннисом Бурый Щит, и тогда...

— Беннис подождет.

— Куда же вы собираетесь? — Септон пыхтел, не поспевая даже за хромящим Дунком.

— На Светлый остров. В Харренхал. На Трезубец. — Он пожал плечами. — Межи есть повсюду. Мне, к примеру, всегда хотелось взглянуть на Стену.

— На Стену?! Вы меня ужасаете, сер Дункан! — Септон застыл под дождем посреди двора, простирая руки. — Молитесь, сер, чтобы Старица озарила ваш путь! — Дунк, не слушая, ковылял дальше.

Она ждала его на конюшне, рядом с желтыми кипами сена, в зеленом, как лето, платье. Перекинутая на грудь коса опускалась ниже бедра.

— Приятно снова видеть вас на ногах, сер Дункан.

«Как будто ты видела меня лежащим», — подумал он, а вслух спросил:

— Что привело вас сюда, миледи? Для прогулки верхом денек сыроват.

— То же самое и к вам относится.

— Это Эг вам сказал? — *«Получит в ухо, паршивец».*

— Хорошо, что сказал, иначе бы я послала людей вернуть вас. Жестоко убегать вот так, потихоньку, даже не попрощавшись.

Она ни разу не пришла навестить его, пока он лежал у мастера Серрика.

— Зеленое вам к лицу, миледи. Оно подчеркивает цвет ваших глаз. — Он неловко переступил с ноги на ногу, опираясь на костыль. — Я пришел за своим конем.

— Вам нет нужды уезжать. Место для вас есть — можете стать капитаном моей стражи, когда поправитесь. А Эг будет жить вместе с другими оруженосцами, и никто не узнает, кто он.

— Благодарю вас, миледи, но нет. — Дунк потащился к Грому, стоявшему в дальнем деннике.

— Подумайте хорошенько, сер. Времена нынче опасные даже для драконов и их друзей. Оставайтесь хотя бы до полного выздоровления. — Роанна шла рядом с ним. — И серу Юстасу будет приятно. Он очень вас любит.

— Любит, — согласился Дунк. — Будь его дочь жива, он выдал бы ее за меня, а вы тогда стали бы моей леди-матерью. У меня ведь никогда не было матери, даже без «леди».

Какой-то миг ему казалось, что леди Роанна сейчас снова закатит ему оплеуху. *«Или костыль вышибет, чего доброго».*

— Вы сердитесь на меня, сер, — сказала она вместо этого. — И вправе требовать возмещения.

— Вы могли бы помочь мне оседлать Грома.

— У меня на уме нечто другое. — Она взяла его за руку своей, веснушчатой, с тонкими сильными пальцами. *«Бьюсь об заклад, она вся в веснушках»*. — Вы понимаете толк в конях?

— У меня есть один.

— Старый, пригодный только для битвы, неповоротливый и злобный. Не такой, чтобы на нем путешествовать.

— Делать нечего — для путешествий у меня либо он, либо они. — Дунк показал на ноги.

— Ноги у вас, конечно, большие, и руки тоже. Для большинства верховых лошадей вы чересчур велики — под вами они походили бы на пони. Однако вам пригодился бы скакун резвый и в то же время рослый, с добавкой дорнийской крови. Такой, например, как она.

Напротив Грома стояла гнедая кобыла с горящими глазами и длинной огненной гривой. Леди Роанна достала из рукава морковку и скормила ей, поглаживая лошадь по голове.

— Нет, пальцы оставь в покое, — сказала она кобыле и снова повернулась к Дунку. — Я зову ее Пламя, но вы можете сами подобрать имя. Назовите Платой, если хотите.

Дунк, на миг утратив дар речи, посмотрел на гнедую новыми глазами. Она была великолепна — лучше любой лошади сера Арлана. Она способна мчаться как ветер — стоит только посмотреть на ее длинные точеные ноги.

— Все ее племя славится красотой и резвостью, — сказала Роанна.

— Я не могу ее взять, — повернувшись к Грому, сказал Дунк.

— Почему?

— Слишком хороша для меня. Сами видите.

Роанна вспыхнула и принялась теревать косу.

— Я была вынуждена выйти замуж, вы знаете. Завещание моего отца... ну, не будьте же таким дураком.

— Кем мне еще быть? Я темен, как погреб, и бастард к тому же.

— Возьмите лошадь. Я не отпущу вас без какой-нибудь памятки о себе.

— Я буду вас помнить, миледи, не сомневайтесь на этот счет.

— *Возьми ее!*

Он схватил ее за косу и притянул к себе. Это вышло у него неуклюже из-за костыля и разницы в росте. Он чуть не упал, пристраивая ее губы к своим. Дунк крепко ее поцеловал. Одна ее рука обвила его шею, а другая покоилась на груди. За один этот миг он узнал о поцелуе больше, чем знал из наблюдений. Когда они наконец оторвались друг от друга, Дунк вынул кинжал.

— Я придумал, что взять у вас на память, миледи.

Эг сидел у ворот на новой красивой лошадке, держа Мейстера в поводу. Увидев Дунка на Громе, он удивился.

— Она сказала, что подарит вам новую лошадь.

— Даже прихоти благородных дам не всегда исполняются. — Они переехали через подъемный мост. Ров так переполнился, что грозил выйти из берегов. — Лошадь мне не нужна. Я предпочел взять на память кое-что другое — ее рыжий локон. — Дунк достал из-за пазухи косу и улыбнулся.

* * *

В железной клетке на распутье дорог по-прежнему обнимались два мертвеца. Вид у них был заброшенный — даже мухи и вороны покинули их. На костях остались лишь лоскутья волос и кожи.

Дунк, нахмурившись, придержал коня. Лодыжка от езды разболелась, но его это не смущало. Боль — такая же часть жизни рыцаря, как мечи и щиты.

— В какой стороне юг? — спросил он Эга. Среди дождя и грязи, под серым, как гранит, небом это было трудно определить.

— Вон в той, сер, — показал Эг. — А вон там север.

— Летний замок на юге, там твой отец.

— А Стена на севере.

Дунк посмотрел на Эга.

— До нее далеко.

— У меня новая лошадь, сер.

— Ну да, — не сдержал улыбки Дунк. — А тебе-то Стена зачем сда-
лась?

— Ну... Я слышал, она очень высокая.